НАЧАЛО КОНЦА

КРИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ

ВЪ ЖИЗНИ

НАРОДА И СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЙ

ПАРТІИ

(Посвящается соціалистамъ-народникамъ)

И. Борисовъ

ЖЕНЕВА
ТИПОГРАФІЯ «РАБОТНИКА» И «ГРОМАДЫ»
1881

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

111999-48

2007237606

НАЧАЛО КОНЦА

Слѣдя за тѣмъ, что совершается теперь почти во всѣхъ градахъ и весяхъ нашего обширнаго отечества, невольно вспоминаешь то мѣсто во „Введеніи въ Исторію XIX вѣка“ Гервинуса, гдѣ авторъ говоритъ, что 80-ые годы столѣтій всегда отмѣчаются въ исторіи чрезвычайно сильными и глубокими соціальными потрясеніями и переворотами. Въ виду отчаяннаго, безвыходнаго экономическаго положенія страны, полнаго нравственнаго банкротства правительства и его безсилія бороться съ бѣдствіями, угнетающими народъ, крайне трудно отдѣлаться отъ той мысли, что въ словахъ знаменитаго историка заключается грозное пророчество для современной Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, наступили роковые 80-ые годы и въ то же время Россія дошла до такого бѣдственнаго состоянія, хуже котораго нельзя себѣ и представить и которое дѣлаетъ совершенно неизбѣжнымъ безпощадную насильственную ломку всѣхъ существующихъ общественныхъ формъ. Едва ли кто нибудь хотя на минуту усомнится въ томъ, что въ жизни русскаго народа *долженъ* произойти теперь крутой переломъ, что мы живемъ наканунѣ великихъ событій, театромъ которыхъ станетъ наша родина

въ самомъ ближайшемъ будущемъ, что уже наступило „начало конца“. Правда, давно уже миновала та пора, когда нашему „сѣятелю и хранителю“ не было голодно и холодно, давно уже на русской землѣ нельзя было найти такой „обители, гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ“... Но то былъ стонъ хотя и постоянный, и надрывающій душу, но стонъ тихій, полуподавленный, вызывавшійся такими пустяками, какъ крайняя нужда и непосильныя тягости, нимало не тревоживший тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежало, и переводившійся на оффиціальный языкъ стереотипною фразою: „все обстоитъ благополучно“. Правда, и до настоящаго времени на общемъ фонѣ „благополучія“ рисовались въ видѣ черныхъ пятенъ такія досадныя подробности, какъ питающійся древесною корою сѣверный крестьянинъ, пухнущій отъ голода самарскій мужикъ, опустошительныя эпидеміи на скотѣ и на людяхъ, деревенскій обыватель, съ коломъ или вилами въ рукахъ оспаривающій у власти право сносить съ избенки крышу, уводить со двора послѣднюю коровенку за недоимки... Все это бывало и прежде, но бывало временами, полосами, имѣло мѣстный характеръ, могло объясняться случайностью или „недоразумѣніемъ“ и неособенно смущало власть, распоряжающуюся судьбами нашей родины... Назойливые „неотложные“ вопросы сдавались въ коммиссіи и затѣмъ мало по малу предавались забвенію; для поправленія финансовъ прибѣгали къ займамъ, къ выпускамъ кредятныхъ билетовъ, къ государственнымъ лоттереямъ, измышляли новые налоги, практиковали смѣну министровъ; начинавшее втихомолку ворчать и показывать изъ кармана кулакъ, общество успокоивалось обѣщаніемъ реформъ, разныхъ льготъ и воль-

ностей; „внутренніе враги“ изводились тюрьмой, ссылкой, каторгой, висѣлицей; народу рекомендовались терпѣніе и порядокъ; въ случаяхъ же „недоразумѣній“ посылались военныя команды, устраивались экзекуціи, стягивались въ томъ или другомъ районѣ войска; становые и исправники „понуждали“ народъ къ уплатѣ податей и недоимокъ: урядники „пресѣкали“ и „предупреждали“... Однимъ словомъ, все шло, если и не особенно хорошо, то и не особенно дурно. Какъ ни какъ, а жить представителямъ власти было можно, и если бы только не огорченія, доставляемыя нигилистами, то имъ можно было бы даже сохранять и нѣкоторую веселость духа. Даже такое глубоко серьезное явленіе, какъ прогрессивное уменьшеніе платежной силы крестьянина, не въ состояніи было отрезвить нашихъ легкомысленныхъ правителей, вмѣстѣ съ Колупаевымъ упрямо твердившихъ про мужика: „йонъ доста-а-нетъ“!

При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, наши кормчіе, несмотря на зловѣщіе симптомы всеобщаго оскуденія и разложенія государственнаго организма, могли бы, пожалуй, наслаждаться такимъ „благополучіемъ“ еще многіе годы: вѣдь мужикъ, на которомъ покоится зданіе Россійской имперіи, отличается изумительною живучестью и не менѣе изумительнымъ терпѣніемъ и можетъ выносить громадное давленіе, если только это послѣднее наростаетъ постепенно, мало по малу... Хотя все съ большимъ и большимъ трудомъ и все меньшею и меньшею правильностію, но „йонъ“ продолжалъ бы еще „доставать“ нѣкоторое время и тащить разсыпающуюся государственную колымагу, нагруженную выжившими изъ ума помпадурами... Но вотъ наступилъ роковой 1880 годъ, явились

на сцену чрезвычайныя обстоятельства, — и „благополучіе“ быстро обратилось въ неблагополучіе. На измученный и до нельзя обезсиленный народъ обрушились въ этомъ году, кажется, всѣ казни египетскія, начиная съ глада, мора и кончая нашествіемъ саранчи, кузьки, мошки, жука, червя, въ союзъ съ которыми, повидимому, вступили и стихіи. И безъ того уже отчаянное положеніе народа стало окончательно невозможнымъ. Народъ застоналъ сразу на всемъ пространствѣ обширной Руси, — и застоналъ такъ громко и внушительно, что въ наступившемъ неблагополучіи не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія; волей-неволей его должны были оффиціально признать и наши смутившіеся и растерявшіеся помпадуры. Такъ, на дняхъ не совсѣмъ благополучно царствующій нынѣ Александръ Николаевичъ Романовъ, жалуя своихъ голодныхъ вѣрноподданныхъ солью, изрекъ нѣчто о „тяжкой годинѣ“. Да, година наступила дѣйствительно тяжкая для народа. Если бы только она была и послѣднею для одряхлѣвшихъ и обезумѣвшихъ шаховъ россійскихъ!

Бѣдствіе постигло не „нѣкоторыя восточныя и южныя губерніи“, какъ это легкомысленно утверждаетъ Александръ Николаевичъ въ своемъ указѣ отъ 23 ноября о сложеніи акциза съ соли; нѣтъ, оно распространилось на всю Россію, — въ этомъ то и заключается все неблагополучіе. Прислушайтесь къ тому, что говорятъ въ одинъ голосъ и одними и тѣми же словами всѣ провинціальные корреспонденты, и вы убѣдитесь въ томъ, что голодъ, со всѣми его ужасами и послѣдствіями, носится надъ всѣмъ нашимъ темнымъ царствомъ и уже теперь, когда едва только началась зима, начинаетъ выхваты-

вать жертвы... Съ сѣвера, съ юга, съ востока и запада все идутъ однѣ и тѣ-же вѣсти и разсказываютъ одну и ту-же печальную исторію. Эпитеты: „мрачный“, „безотрадный“, „ужасный“, „безнадежный“, „безвыходный“, „отчаянный“ такъ и пестрѣютъ въ корреспонденціяхъ и сообщеніяхъ о положеніи населенія въ губерніяхъ: Самарской и Архангельской, Пензенской и Вологодской, Саратовской и Ковенской, Московской и Пермской, Казанской и Оренбургской, Олонецкой и Херсонской, Уфимской и Кѣлецкой, Смоленской и Нижегородской, Рязанской и Тверской, Екатеринославской и Новгородской, Костромской и Черниговской, Ярославской и Кіевской, Харьковской и Тульской, Владимірской и Воронежской, Курской и Псковской... Въ этомъ длинномъ перечнѣ, далеко не претендующемъ на полноту, въ изобиліи представлены почти всѣ окраины и полосы Европейской Россіи. Во всѣхъ только что перечисленныхъ губерніяхъ, въ этомъ году былъ или плохой урожай, или же почти полный неурожай; урожаемъ, и притомъ „неслыханнымъ“, отличился только Остерскій уѣздъ (Черн. губ.); къ сожалѣнію, только уродилась тамъ не пшеница, а спорынья. Въ очень многихъ мѣстностяхъ земля не возвратила даже и сѣмянъ; травы также были очень плохи.

Къ обычнымъ причинамъ нашихъ хроническихъ неурожаевъ и недоборовъ въ хлѣбѣ, каковы: повсемѣстное истощеніе почвы, дурная обработка земли, недоброкачественность сѣмянъ и т. д.,—присоединились въ этомъ злополучномъ году еще причины экстраординарныя. Оказывается, что въ одномъ мѣстѣ хлѣбъ сгубили страшные ливни, въ другомъ его побило градомъ, въ третьемъ онъ „обмолоченъ вѣтромъ“, здѣсь „сжатъ“ червемъ, тамъ сожранъ

кузькой, уничтоженъ саранчей, „выпитъ“ жукомъ, съѣденъ мошкой, и т. д., и т. д. Летающей, ползающей и скачущей мелкой твари развелось на русской землѣ за послѣднее время видимо-невидимо, — и тварь эта до такой степени одолѣваетъ русскаго земледѣльца, что у него рѣшительно не хватаетъ средствъ для борьбы съ нею, и онъ безпомощно опускаетъ руки. А тутъ еще, на помощь домашнему „жуку“, является нечисть заграничная: на южный берегъ Крыма перекочевала изъ Франціи страшная филоксера, а изъ Новороссіи пишутъ, что морскія волны нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выкинули на берегъ громадныя массы какого то иноземнаго жука, который, отдохнувъ отъ морского путешествія, расползся во всѣ стороны и пожралъ все, что уцѣлѣло послѣ кузьки... Ко всѣмъ напастямъ присоединилось такимъ образомъ и „нашествіе иноплеменныхъ“. Наступили затѣмъ ранніе морозы, преждевременно прекратившіе навигацію и затормозившіе доставку собраннаго и уже погруженнаго хлѣба къ мѣстамъ назначенія; хлѣбъ зазимовалъ на волжскихъ пристаняхъ, не дойдя и до Рыбинска; но не посчастливилось ему и тутъ: открылся ледоходъ, — и не одинъ десятокъ баржъ съ зерновымъ хлѣбомъ пошелъ ко дну.

Одна бѣда привела за собою другую. Чего не тронулъ изъ скуднаго урожая жукъ, что пощадили стихіи, то прибрали къ своимъ рукамъ крупные и мелкіе кулаки. Въ виду наступающаго всероссійскаго голода разыгралась самая беззастѣнчивая спекуляція на хлѣбъ. Въ Петербургѣ многія фирмы задерживаютъ въ своихъ складахъ сотни тысячъ кулей хлѣба и не пускаютъ его въ продажу въ разсчетѣ на дальнѣйшее повышеніе цѣнъ. Въ Са-

марской, Саратовской и смежныхъ съ ними губерніяхъ обнаружена громадная стачка хлѣботорговцевъ. Изъ Нижняго сообщаютъ, что „коммерсанты скупили весь хлѣбъ не только въ Нижегородской губерніи, но обшарили весь Ветлужскій и Макарьевскій уѣзды Костромской губерніи"... Въ Перми „скупщики не дремлютъ"... Въ Пронскѣ (Ряз. губ.) — „безцеремонная эксплуатація скупщиковъ". Въ Кадниковѣ „торговцы перехватываютъ и то небольшое количество хлѣба, которое подвозится изъ селеній". И т. д., и т. д., до безконечности. Всевозможными „маклаками", „кулаками", „скупщиками" и „міроѣдами", высасывающими изъ народа послѣднія капли крови, русская земля была обильна и въ прежнее, „благополучное" время; теперь же, почуявъ народное бѣдствіе, а слѣдовательно легкую и богатую поживу, эта двуногая саранча съ особеннымъ нахальствомъ и остервенѣніемъ набрасывается на обездоленный народъ, жретъ его, округляется и торжествуетъ... Пусть!... Тѣмъ хуже для нея... Чѣмъ больше увлеченія и озорства будетъ внесено ею въ это жранье и кровопійство, тѣмъ скорѣе наступитъ грозный часъ возмездія, тѣмъ тяжелѣе для нея будетъ расплата.

Въ хлѣбѣ всюду страшный недостатокъ; цѣны на него увеличились вдвое въ сравненіи съ прошлымъ годомъ; пудъ ржаной муки стоитъ 1 р. 50 к. —1 р. 80 к. и даже выше,— цѣна небывалая, неслыханная до настоящаго времени.*) О такихъ цѣ-

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, съ установкой зимняго пути цѣны на хлѣбъ нѣсколько понизились, благодаря подвозу его изъ мѣстъ заготовки. Но такъ какъ хлѣбныхъ запасовъ въ этомъ году значительно меньше, чѣмъ въ предъидущіе годы, нужда же въ хлѣбѣ крайне велика, то очевидно, что пониженіе очень скоро опять перейдетъ въ повышеніе.

нахъ не знали даже и въ голодные годы. Такъ, въ Самарской губ. мука стоитъ теперь (начало декабря) 1 р. 85 к., причемъ сильно опасаются, что скоро она дойдетъ до 2 р. и даже перевалитъ за эту цифру, между тѣмъ какъ осенью 1873 года, въ эпоху знаменитаго даже и въ русскихъ лѣтописяхъ самарскаго голода, мука не доходила и до 1 руб.; въ 1867—68 годахъ, когда страшно голодалъ весь сѣверный край, когда архангельскій, олонецкій и вологодскій крестьянинъ неудачно приспособлялъ свой желудокъ къ древесной корѣ, —куль хлѣба въ Олонецкой, напр., губ. *весною* стоилъ 13 руб., теперь же онъ стоитъ тамъ 14 р. Такихъ благодатныхъ мѣстностей, гдѣ бы своего хлѣба хватало до новаго урожая, у насъ и въ „благополучное“ то время было не особенно много; теперь же онѣ встрѣчаются только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Да что ужъ тутъ толковать о „новомъ урожаѣ“, когда въ газетахъ то и дѣло натыкаешься на извѣстія, что хлѣбныхъ запасовъ не хватитъ и до января, и даже до Николина дня!... Мало того, и такія то извѣстія тонутъ въ массѣ другихъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что у мужика уже и теперь хлѣба совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ и ему приходится прибѣгать ко всевозможнымъ суррогатамъ. Въ Самарской губ. нуждающихся въ продовольствіи и въ средствахъ для обсѣмененія полей, по свѣденіямъ земствъ, насчитывается болѣе 600,000 человѣкъ. Въ одномъ Саратовскомъ уѣздѣ голодныхъ болѣе 150,000 человѣкъ. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ (Московск. губ.) „массѣ народа пришлось, тотчасъ послѣ снятія жатвы, покупать себѣ хлѣбъ по 1 рублю 50 копѣекъ за пудъ“. Въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ уѣздахъ (Уф. губ.) „нужда въ хлѣбѣ уже

и теперь (октябрь) дошла до того, что крестьяне покупаютъ вездѣ, гдѣ только возможно, лебеду. Положеніе таково, что можно радоваться, если хоть въ лебедѣ то нѣтъ недостатка; но такъ какъ спросъ на нее становится все сильнѣе и сильнѣе, то и на нее начинаетъ устанавливаться на базарахъ изрядная цѣна, доходящая до 50 к. и выше за пудъ". Во многихъ мѣстахъ народъ питается хлѣбомъ, выпеченнымъ изъ ржаной муки пополамъ съ картофельной, но и такой хлѣбъ обращается мало по малу въ лакомство. Картофель изъ добавочной сталъ уже кое-гдѣ главною пищею. Въ Камышинскомъ уѣздѣ „крестьяне уже болѣе мѣсяца (конецъ октября) не имѣютъ хлѣба и питаются исключительно картофелемъ и овощами". Въ Кѣлецкой губ. „часть населенія и теперь уже (окт.) принуждена обходиться безъ хлѣба. Главную и единственную пищу для многихъ представляетъ картофель и свекла, а кусокъ хлѣба составляетъ большую рѣдкость". Въ Александровскомъ уѣздѣ (Екатер. губ.) „голодъ настойчиво стучится въ двери; населеніе въ критическомъ, безотрадномъ положеніи. „Вольный", т. е., государственный крестьянинъ, имѣя надѣлъ въ 6—8 десятинъ, еще кое какъ пропитываетъ себя „яшникомъ", „картошкой", „гарбузомъ", но бывшій панскій, нынѣ безземельный „собственникъ", буквально голодаетъ". Изъ Смоленска пишутъ: „экономическое положеніе уѣзда самое безвыходное. Озимые не уродились совсѣмъ въ этомъ году, а *„яровые пошли на уплату податей и недоимокъ*. Хлѣба нѣтъ"... Въ Маріупольскомъ уѣздѣ (Екатер. губ.) „мѣстное населеніе въ ужасномъ положеніи; много семействъ уже и теперь (13 окт.) совсѣмъ безъ хлѣба".

По донесенію изюмскаго исправника харьковско-

му губернатору, нужда въ хлѣбѣ достигла въ этомъ уѣздѣ до крайнихъ предѣловъ; дѣти пухнутъ отъ голода; жители питаются разнаго рода травами, отрубями, пшеничной шелухой и т. д. Женщины осаждаютъ квартиру исправника, прося хлѣба; запасы въ хлѣбныхъ магазинахъ истощаются; *исправникъ опасается серьезныхъ послѣдствій.* Въ корреспонденціи изъ Саратова читаемъ: „Въ нѣкоторыхъ селахъ давно уже забыли, что такое ржаная мука; питаются овсомъ съ примѣсью лебеды и другихъ суррогатовъ"... Въ самомъ Саратовѣ „массы бѣдняковъ бродятъ по дворамъ и вылавливаютъ изъ помойныхъ ямъ кусочки и корки арбузовъ, разные объѣдки и пожираютъ ихъ съ жадностью"... Въ Самарѣ уже попадаются на улицахъ валяющіеся подъ заборами „мертвенно блѣдные", „въ конецъ обезсиленные", не ѣвшіе по нѣсколько дней чернорабочіе. Тамъ же открыта пекарня, „въ которой подаютъ по ¼ фунта (!) хлѣба и которая буквально съ утра до ночи осаждается толпами голодныхъ". Въ Бугульминскомъ уѣздѣ (Сам. губ.) „значительная часть населенія питается хлѣбомъ, въ которомъ нѣтъ ни одного хлѣбнаго зерна и который состоитъ исключительно изъ лебеды и другихъ суррогатовъ. Мука, приготовленная изъ такихъ веществъ, похожа на персидскій порошокъ или нюхательный табакъ, а хлѣбъ изъ этой муки — на кизякъ"... Въ Козелецкомъ уѣздѣ (Черниг. губ.) „населеніе питается овсянымъ хлѣбомъ съ лебедой"... Въ Саратовскомъ уѣздѣ „киргизы мѣняютъ дѣтей на хлѣбъ. Взрослый киргизенокъ стоитъ 1—2 пуда муки. Не имѣя хлѣба для прокормленія, тѣ же киргизы вынуждены бросать своихъ ребятишекъ въ степи"... И т. д., и т. д.

Я никогда бы не кончилъ, если бы вздумалъ приводить здѣсь всѣ имѣющіяся у меня подъ рукою данныя, по своему характеру и значенію совершенно тождественныя съ вышеприведенными. Но и сказаннаго, надѣюсь, будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ нужды и остротѣ голода. До какой степени нужда эта велика, доказывается между прочимъ небывалымъ до сихъ поръ въ лѣтописяхъ русской торговли фактомъ ввоза хлѣба изъ-заграницы. 1-го октября на кронштадскій рейдъ пришелъ изъ Штетина корабль съ 700 кулями муки; въ томъ же октябрѣ однимъ винокуреннымъ заводомъ въ средней полосѣ Россіи сдѣланъ былъ въ Гамбургѣ заказъ на 50,000 четвертей кукурузы. Фактъ знаменательный, указывающій на полное истощеніе прежней „житницы Европы“.... Впрочемъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ, мы въ то же самое время хлѣбъ и вывозили, отнимая его у голодныхъ соотечественниковъ; до самого прекращенія навигаціи изъ гаваней Чернаго моря то и дѣло отходили корабли съ полнымъ грузомъ пшеницы, хотя въ общемъ счетѣ отпускъ былъ и меньше прошлогодняго, — такъ напр. для Одессы это уменьшеніе доходило въ сентябрѣ до 15 милл. рублей... Откуда въ „тяжкую годину“ взялся хлѣбъ для вывоза, распространяться объ этомъ, я полагаю, излишне; — конечно, его доставилъ голодный мужикъ, „понуждаемый“ становымъ и исправникомъ ко взносу податей и недоимокъ... Какъ это ни покажется невѣроятно, но фактовъ такого „понужденія“ имѣется достаточно, и дальше я скажу о нихъ нѣсколько словъ.

Хлѣба нѣтъ или-же онъ страшно, неприступно дорогъ,—дороги и всѣ другіе предметы первой

необходимости. Отовсюду, рѣшительно отовсюду пишутъ, что дороговизна теперь „страшная“, „невѣроятная“, „небывалая“,что „цѣны растутъ не по днямъ, а по часамъ“, что „никогда такихъ цѣнъ не существовало“. Особенно чувствительно въ теперѣшнее холодное время чрезвычайно сильное вздорожаніе топлива. Наряду съ извѣстіями о недостаткѣ хлѣба идутъ извѣстія и о недостаткѣ топлива. Такъ, отъ обѣихъ этихъ бѣдъ страшно терпитъ населеніе Верейскаго у. (Моск. г.); въ Маріупольскомъ у. (Екат. г.) „солома стоила раньше 3-4 р. за куб. сажень, теперь же (окт.) она стоитъ 17; кизякъ, съ 2-3 р., вздорожалъ до 8 р.“ И такихъ извѣстій много, особенно съ юга. Такимъ образомъ, голодному народу приходится еще и мерзнуть.

Хлѣба нѣтъ, да оказывается, что его „и не жди, —не будетъ“: не было сѣмянъ для озимого посѣва, нѣтъ ихъ, конечно, и для ярового. Прислушайтесь къ тѣмъ воплямъ, которые несутся по этому поводу со всѣхъ сторонъ, и вы, конечно, согласитесь съ тѣмъ, что „о будущемъ страшно и подумать“, какъ выражаются почти всѣ провинціальные корреспонденты. Въ Козелецкомъ у. (Черниговской г.) „нѣтъ ни хлѣба для продовольствія, ни зерна для посѣва“. Въ Бронницкомъ у. (Моск. губ.) „положеніе населенія безвыходное... Поля останутся не засѣянными“. Въ Курской г. „положеніе мѣстнаго крестьянства безвыходное... Нечего ѣсть, нечѣмъ обсѣменять поля...“ Изъ Ростова на-Дону пишутъ: „Голодъ въ буквальномъ смыслѣ не за горами... Хлѣбные запасы почти совсѣмъ истощены“. Изъ Тирасполя (Херс. г.): „трудно представить положеніе безотраднѣе того, въ которое поставлено населеніе уѣзда... Нѣтъ надежды и на будущее, такъ какъ нѣтъ сѣмянъ для посѣ-

ва..". Въ Екатеринославской губ. множество мелкихъ *землевладѣльцевъ* не имѣетъ ни продовольствія, ни зерна для посѣва. Изъ Саратова сообщаютъ, что, „по недостатку сѣмянъ, озимыя поля рѣдко гдѣ засѣяны". По словамъ другого корреспондента, „въ Сарат. г. болѣе $^2/_3$ земли остались незасѣянными озимымъ хлѣбомъ..." Въ Лужскомъ у. „рѣдкій крестьянинъ обсѣменился, какъ слѣдуетъ". И т. д. и т. д. Подобныхъ извѣстій мы могли бы и не приводить, такъ какъ ясно и безъ того, что въ виду голодной смерти, угрожающей мужику, какъ мы видѣли, уже и теперь, зерно для посѣва будущаго года, очевидно, сохраниться не можетъ. А потому я не стану утомлять читателя приведеніемъ другихъ извѣстій въ томъ же родѣ и перейду къ фактамъ, живо обрисовывающимъ другую сторону того же самаго вопроса. Мало того, что мужику нечѣмъ будетъ засѣять поля,—ему даже нечѣмъ будетъ и обработать ихъ, хотя бы зерно и свалилось ему съ неба: *гибнетъ скотъ*, и притомъ гибнетъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Въ юго-восточныхъ губерніяхъ въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ пало нѣсколько сотъ тысячъ головъ... Въ Маріупольскомъ у. (Екат. г.) „страшная участь грозитъ и скоту: зима съ морозами, снѣгами, мятелями, корма нѣтъ." Въ Саратовской губ. „крестьянскій скотъ крайне изнуренъ отъ безкормицы и видомъ своимъ вызываетъ состраданіе..." Надо думать, что къ веснѣ онъ уже не будетъ вызывать этого состраданія, такъ какъ и самого его уже не будетъ существовать. Въ уѣздахъ Днѣпровскомъ, Перекопскомъ и Симферопольскомъ „появилась на рогатомъ скотѣ чума, дѣйствующая съ поражающею свирѣпостью". Въ Остерскомъ у. (Черн. г.) на скотѣ чума, въ Вяземскомъ— чума; въ Смолен-

скомъ у. чума, „на рѣдкомъ дворѣ осталась скотина“; въ Кролевецкомъ у. (Черн. г.) „скотъ колѣетъ отъ чумы“; въ селѣ Починкахъ (Серпух. у.) „скотъ боленъ весь до послѣдней коровы“; въ Козелецкомъ у. „повсемѣстный падежъ скота...“; въ Зарайскомъ у. (Ряз. г.) „болѣетъ скотъ“; въ Верейскомъ у. (Моск. г.) падежъ скота; въ Серпуховскомъ у. (Моск. г.) „страшный падежъ скота... Народъ въ отчаяніи...“ Въ Саратовскомъ у. „продавъ весь скотъ, крестьяне сбываютъ телѣги и збрую...“ Чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба, мужикъ разстается даже и съ *землей*. Такъ, изъ Нижнедѣвицкаго уѣзда (Воронежск. г.) пишутъ: „крайняя нужда заставляетъ крестьянина идти на самыя невыгодныя для него сдѣлки. Душевые надѣлы запродаются нѣкоторыми крестьянами на 9 лѣтъ на условіи уплаты за продавца всѣхъ податей и отбыванія за него всѣхъ повинностей, съ небольшой сверхъ того приплатою какихъ нибудь 30—40 р. Много крестьянскихъ земель сдается затѣмъ въ аренду по очень дешовой, сравнительно съ владѣльческими, цѣнѣ“... По всей вѣроятности тоже самое происходитъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. И т. д. и т. д... И здѣсь опять таки я привожу изъ массы извѣстій, идущихъ со всѣхъ концовъ Россіи, только первыя попавшіяся подъ руку. По недостатку мѣста я не имѣю возможности пускаться въ излишнія подробности и только для примѣра указываю здѣсь на какой нибудь десятокъ мѣстностей, въ которыхъ крестьянскій скотъ гибнетъ отъ безкормицы и повальныхъ болѣзней. Но пусть читатель положитъ число такихъ мѣстностей въ 10, 20 разъ больше и только тогда онъ будетъ имѣть приблизительное понятіе о размѣрахъ упомянутаго

бѣдствія и о будущихъ послѣдствіяхъ его для народнаго хозяйства.

Мы сейчасъ видѣли, что громадное число земледѣльцевъ не имѣло возможности обсѣменить озимыхъ полей, да не будетъ въ состояніи приступить и къ яровому посѣву весною будущаго года. Какая страшная участь грозитъ имъ, распространяться объ этомъ, я полагаю, излишне. Но не лучше положеніе и тѣхъ, кому съ грѣхомъ пополамъ удалось всковырять и засѣять озимую пашню... Судьба, повидимому, рѣшила оставить безъ хлѣба и ихъ, насылая на всходы морозы, саранчу, червя... Изъ Харькова сообщаютъ, что„ вслѣдствіе безснѣжія и морозовъ, доходящихъ до 17°, является опасеніе, что озимые хлѣба вымерзнутъ". Въ Бахмутскомъ у. (Екатер. г.) „саранча положила яички на огромномъ пространствѣ"... Оттаетъ весною будущаго года почва, вылупятся изъ положенныхъ яичекъ личинки,—и весь хлѣбъ будетъ сожранъ. Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ (Ворон. губ.) „червь безпощадно уничтожаетъ озимые посѣвы". Въ Бирючинскомъ уѣздѣ той же губерніи „червь совершенно оголяетъ поля". Въ Николаевскомъ у. (Сам. г.) „червь губитъ всходы". Въ Вытегорскомъ, Лодейнопольскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ (Олон. г.) „озимые посѣвы подверглись опустошенію червями"... Въ Веневскомъ у. (Тульской губ.) „червь занимаетъ поверхность въ сотни квадратныхъ верстъ"... Въ Тульскомъ, Крапивенскомъ и Одоевскомъ уѣздахъ „червь истребляетъ озимые посѣвы. 1/2 или даже 2/3 пашенъ совершенно черныя". Въ Кролевецкомъ у. (Черн. губ.) „появился въ громадномъ количествѣ червь, пожирающій всходы". И т. д. и т. д Изъ приведенныхъ сейчасъ данныхъ, за которыми стоитъ мас-

са другихъ въ томъ же родѣ и которыхъ мы не приводимъ за недостаткомъ мѣста, видно, что русская земля подверглась въ этомъ году еще и формальному нашествію червей... Много-ли, спрашивается, оставятъ мужику хлѣба эти прожорливыя твари?!...

И такъ, Россія стоитъ лицомъ къ лицу съ Голодомъ. Это страшное чудище безпрепятственно разгуливаетъ по широкому раздолью русской земли и однимъ своимъ приближеніемъ повергаетъ всѣхъ въ ужасъ и отчаяніе. Теперь еще только начало зимы, а оно уже начинаетъ свое истребительное дѣло... Въ Маріупольскомъ у. (Екатер. г.) „уже проявляются то здѣсь, то тамъ случаи „голодной немочи", т. е., по просту говоря, люди уже начинаютъ умирать отъ голода. Въ одномъ селеніи Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи,—о которой одинъ корреспондентъ, мѣстный помѣщикъ, сообщаетъ въ газеты, что тамъ все обстоитъ благополучно и что о голодѣ не можетъ быть и рѣчи,— оффиціально констатированы случаи голодной смерти... Такъ, одна большая семья буквально вымираетъ съ голода: „одинъ изъ ея членовъ уже погибъ, остальные съ часу на часъ ждутъ той-же участи". Изъ Саратовской г. также сообщаютъ о *нѣсколькихъ* случаяхъ голодной смерти... Правда, въ газетахъ до сихъ поръ встрѣчалось еще не особенно много извѣстій о случаяхъ смерти отъ голода; но необходимо помнить, что всѣ газетныя корреспонденціи носятъ на себѣ совершенно случайный характеръ, что изо всего того, что творится на русской землѣ, въ печать попадаетъ только весьма немногое, а потому мы имѣемъ полное право предположить, что погибшихъ и погибающихъ отъ голода въ русской землѣ теперь

несравненно больше, чѣмъ это мы знаемъ изъ отрывочныхъ корреспонденцій. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что на одинъ, дошедшій до насъ, случай голодной смерти въ дѣйствительности приходится не одинъ десятокъ, а пожалуй даже не одна сотня такихъ же случаевъ...

Такъ это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что голодъ уже начинаетъ заглядывать въ очи православному и неправославному люду, населяющему „богоспасаемую“ Россійскую Имперію, и уводить его въ страну, идеже нѣсть ни Александра II. ни урядниковъ, ни податей, ни исправниковъ, а слѣдовательно, ни печали, ни воздыханія... Да, голодъ ужасный гость!..... Но не менѣе ужасна и та многочисленная свита, въ сопровожденіи которой онъ обыкновенно является.... За голодомъ всегда слѣдуютъ по пятамъ и всевозможныя эпидемическія болѣзни, уносящія въ преждевременную могилу массы жертвъ. Не миновала, конечно, этой участи и Россія, гдѣ теперь повсюду свирѣпствуютъ всѣхъ видовъ тифы, горячки, дифтеритъ, оспа. И здѣсь такъ же, какъ и по отношенію къ фактамъ безхлѣбицы и голодовки, безкормицы и падежа скота, мы затруднены скорѣе обиліемъ, чѣмъ недостаткомъ матеріяла и красокъ для картины. Привожу здѣсь только небольшую часть тѣхъ данныхъ, которыя встрѣтились мнѣ при бѣгломъ просмотрѣ двухъ-трехъ повременныхъ изданій за октябрь текущаго 1880 года. Въ Подольскомъ уѣздѣ (Моск. губ.) сильно развился дифтеритъ, а въ Рузскомъ уѣздѣ—тифъ. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ той же губерніи соперничаютъ между собою въ жестокости дифтеритъ и тифозная горячка. Во многихъ мѣстахъ Маріупольскаго уѣзда появился дифтеритъ. По извѣстіямъ

изъ Камышинскаго уѣзда (Сарат. губ.) „крестьяне страшно изнурены, дѣти болѣютъ“. Вообще, въ Саратовской губ. вслѣдствіе голодовки во многихъ мѣстахъ развились повальныя и заразительныя болѣзни“. Сама за себя говоритъ также и слѣдующая картинка, заимствуемая изъ „Саратовскаго Листка: „Башкиры собираютъ по степи кости отъ прошлогодней падали, когда скотъ ихъ погибъ отъ безкормицы, перебиваютъ мослы и затѣмъ варятъ ихъ въ котлахъ съ солодковымъ корнемъ и этотъ отвратительный бульонъ и корни ѣдятъ потомъ безъ малѣйшей доли хлѣба. Результатомъ такого питанія является опухоль ногъ и выпаденіе зубовъ, а затѣмъ и смерть“... Въ Одессѣ разыгрался дифтеритъ, который опустошаетъ также Воронежскую губ., Тулу съ уѣздомъ, Новочеркаскъ, Козелецкій у. (Черниг. губ.) и многія другія мѣстности... Изъ Остерскаго у. (Черн. г.) пишутъ: „послѣдствія истекшаго лѣта просто гибельны: чума на скотѣ, тифозная эпидемія на людяхъ“. Въ этомъ же уѣздѣ, отличившемся, какъ сказано было выше, неслыханнымъ урожаемъ спорыньи, люди гибнутъ отъ „злой корчи“, происходящей вслѣдствіе употребленія въ пищу хлѣба, отравленнаго спорыньей... Изъ Рузы сообщаютъ, что тамъ появилась оспа, а въ Керченскомъ уѣздѣ даже и чорная оспа... И т. д., и т. д. Если и въ обыкновенное-то время всяческія эпидеміи, и въ особенности тифозная, не переводятся у насъ на Руси и то тутъ, то тамъ требуютъ экстренныхъ мѣръ для прекращенія, то понятно, что теперь, когда народъ страдаетъ отъ страшной голодовки, онѣ должны были разростись до необычайныхъ размѣровъ. И вотъ смерть коситъ, коситъ на право и на лѣво и быстро сокращаетъ число ртовъ, просящихъ хлѣба...

При всеобщемъ недостаткѣ продовольствія, всѣ наличныя денежныя средства, у кого они были, обратились на покупку хлѣба, и соотвѣтственно этому сильно уменьшился спросъ на другіе продукты. Покупательная сила крестьянина, являющагося главнѣйшимъ потребителемъ продуктовъ внутренняго производства, упала чрезвычайно низко, — ему не до фабрикатовъ, когда ѣсть нечего. Благодаря этому, въ торговлѣ полный застой. Чуть ли не на всѣхъ осеннихъ ярмаркахъ торговали очень плохо, покупателей было мало и покрайней мѣрѣ половина товаровъ осталась нераспроданною. Въ виду уменьшенія спроса все болѣе и болѣе сокращается и производство... Такъ, изъ Твери пишутъ: „на мѣстныхъ фабрикахъ Морозова и Берга, въ виду предусматриваемаго торговаго кризиса, уменьшаютъ заработную плату на 10 и 20% и распускаютъ рабочихъ. На фабрикѣ Морозова распущено уже болѣе 300 человѣкъ. Въ близкомъ будущемъ тоже произойдетъ и у Берга". Сокращеніе числа рабочихъ и уменьшеніе заработной платы въ широкихъ размѣрахъ идетъ и на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ. Изъ Иванова-Вознесенска также извѣщаютъ о сильномъ сокращеніи производства на фабрикахъ. Въ Орѣховѣ-Зуевѣ „работы на мѣстныхъ фабрикахъ, даже наиболѣе солидныхъ фирмъ, значительно сокращаются. Толпы рабочихъ изъ дальнихъ губерній безъ копейки денегъ отправляются на родину". Въ селѣ Озерахъ, Коломенскаго у., на фабрикѣ Щербаковыхъ забастовало 600 рабочихъ, прядильщиковъ. Причина стачки—сильное уменьшеніе рабочей платы. (Чѣмъ кончилась стачка, неизвѣстно.) Сбавка платы и стачки происходятъ

и на другихъ фабрикахъ и заводахъ,— извѣстія имѣются изъ многихъ мѣстъ Московской и Владимірской губерній, — причемъ рабочіе, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, обыкновенно сдаются и снова принимаются за работу. Сдаваться приходится поневолѣ: работы мало, спросъ на рабочія руки палъ, къ тому же и конкуренція на рабочемъ рынкѣ возросла до громадныхъ размѣровъ. Голодный народъ массами бросился изъ деревень въ города искать работы и зачастую готовъ работать изъ за одного хлѣба. Отъ начала октября мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе изъ Самары: „плата рабочему на пристани понизилась съ 80 к. и 1 р. прошлогодней до 30—40 к. въ сутки, благодаря наплыву рабочихъ изъ голодающихъ деревень. Предполагаютъ, что съ прекращеніемъ навигаціи плата понизится до 20 к.“ Изъ Казани, тоже отъ октября, пишутъ: „изъ голодныхъ деревень народъ бросился въ городъ за работой“... Въ Смоленской губ. „не имѣется ни хлѣба, ни заработковъ“... Въ Александровскомъ уѣздѣ (Екатер. г.) „мужикъ бродитъ по хуторамъ и селамъ, „по нѣмцамъ и панамъ“, предлагая трудъ, но на трудъ нѣтъ спроса, работать не у кого, ѣсть нечего, надѣяться не на что“. Въ Саратовѣ, благодаря обилію рабочихъ рукъ, „поденная плата чернорабочему упала до невозможнаго минимума: 20—25 к. въ сутки на своихъ харчахъ“. А чего теперь стоютъ эти харчи, мы уже знаемъ.

Но рабочіе, получающіе даже и „ невозможно низкую“ плату, могутъ еще считать себя счастливыми по сравненію съ массами тѣхъ, которые не находятъ себѣ никакой работы и обречены на нищенство... Нищими кишмя кишитъ „богоспасаемая“ Русь,—ихъ вы встрѣтите теперь толпа-

ми и въ столицахъ, и въ провинціальныхъ городахъ, и въ деревняхъ, и по дорогамъ... Бѣда только въ томъ, что подавать то некому. Въ Петербургѣ за послѣднее время замѣчается „чрезвычайное усиленіе нищенства“. Въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ (Пенз. г.) „нищіе цѣлыми вереницами расхаживаютъ изъ села въ село, отъ одной барской усадьбы до другой“. Изъ Венева (Тульск. г.) сообщаютъ, что „нищіе вереницами странствуютъ по уѣзду“. Въ Спаскомъ у. (Тамб. г.) „еще съ августа мѣсяца появились толпы нищихъ изъ Самарской губ. Нищіе эти разъѣзжаютъ по деревнямъ уѣзда цѣлыми семействами, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ“. Въ Екатериносл. г. „ съ наступленіемъ осени на большихъ проѣзжихъ дорогахъ встрѣчаются цѣлыя семьи нуждающихся въ хлѣбѣ крестьянъ, останавливающія проѣзжихъ и со слезами умоляющія о помощи“. Въ Казани „никогда не было столько нищихъ, какъ теперь“. Изъ Саратова сообщаютъ, что „изъ многихъ селеній всѣ крестьяне ушли на сторону побираться“... Изъ Твери пишутъ, что „нищіе изъ уѣзда массами стекаются въ городъ за подаяніемъ “.Въ Александровскомъ уѣздѣ „крестьянинъ нищенствуетъ, томится самъ, морптъ голодомъ семью. При проѣздѣ черезъ ту или другую голую „панскую“ деревню у васъ сердце сжимается при видѣ голодныхъ, едва двигающихся тѣней, при крикахъ встрѣчающихъ и провожающихъ васъ полунагихъ дѣтишекъ съ мольбой: „дай хліба! дай копійку!...“ „Изъ Камышинскаго и Царицинскаго уѣздовъ крестьяне цѣлыми массами ѣдутъ за сборами подаянія во внутреннія и сѣверныя губерніи, забирая съ собою семьи и бросая на произволъ судьбы свои дома и скудное хозяйство“. И т. д.

и т. д... Какъ видите, крестьянство наше поднимается съ насиженныхъ мѣстъ, разбредается въ разные стороны куда глаза глядятъ, усиленно ищетъ хлѣба и.... сплошь и рядомъ не находитъ его... Считаю нужнымъ замѣтить при этомъ еще разъ, что всѣ приведенные мною факты относятся къ началу зимы, когда не всѣ еще жизненные рессурсы истощены. Что же, спрашивается, будетъ дальше? Что будетъ весной?...

Вездѣ безхлѣбица и безкормица, вездѣ полное разстройство народнаго хозяйства и истощеніе силъ крестьянства; вездѣ конечное раззореніе и гибель; вездѣ страшная болѣзненность и смертность на людяхъ и скотѣ,— во многихъ мѣстахъ народъ мретъ даже прямо отъ голода; отовсюду несутся вопли о помощи, отовсюду раздаются стоны отчаянія... И все это надѣлалъ безпощадный, неумолимый голодъ, посѣтившій въ этомъ году русскую землю. О грозныхъ симптомахъ его мы уже говорили на предъидущихъ страницахъ; для полной оцѣнки настоящаго положенія намъ остается теперь сказать только нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ заключаются причины разразившагося бѣдствія, откуда оно взялось, что его породило...

Прежде всего нужно замѣтить, что настоящій голодъ не есть явленіе случайное, неожиданное. Онъ подкрадывался къ намъ уже съ давнихъ поръ и предупреждалъ о своемъ нашествіи на *всю* русскую землю жестокими мѣстными голодовками и другими бѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, не проходило года безъ того, чтобы ту или другую полосу Россіи, а нерѣдко и нѣсколько полосъ и краевъ сразу, не постигъ неурожай, какая либо эпидемія, падежъ скота и т. д... Главнѣйшая

причина всѣхъ бѣдствій,— и прошедшихъ, и настоящихъ,—заключается въ безвыходномъ, невозможномъ, отчаянномъ экономическомъ положеніи мужика. Земли у него крайне мало и притомъ она плохого качества; благодаря этому, постоянный недоборъ въ хлѣбѣ и кормѣ для скота, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вырождался, мельчалъ, уменьшался въ числѣ; съ каждымъ годомъ крестьянину становилось все труднѣе и труднѣе обработывать и удобрять землю, которая постепенно истощалась и наконецъ совсѣмъ переставала родить. Крестьянское хозяйство падало все ниже и ниже, мужикъ обезсиливался и не имѣлъ ни малѣйшей возможности сводить концы съ концами... Спина его трещала отъ страшнаго гнета всевозможныхъ податей и налоговъ, которые съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росли и и въ конецъ раззоряли и придавливали его... Чтобы какъ нибудь выбиться изъ своего ужаснаго положенія, мужикъ колотился, какъ рыба объ ледъ, лѣзъ въ кабалу, уходилъ по уши въ долги... Мертвая петля все туже и туже затягивалась у него на шеѣ...

Государство видѣло въ мужикѣ только платежную силу и требовало отъ него денегъ, денегъ, денегъ... Цѣною нечеловѣческаго труда и неимовѣрныхъ лишеній мужикъ съ грѣхомъ пополамъ удовлетворялъ этимъ требованіямъ, несъ въ казну свой послѣдній грошъ, буквально облитый потомъ и кровью. Если же грошей этихъ не оказывалось совсѣмъ или было слишкомъ мало для покрытія громадной суммы всевозможныхъ повинностей, то по велѣнію свыше, на мужика налеталъ становой и принимался „выбивать“, „высѣкать“ недоимку. Чѣмъ больше усердствовалъ онъ за этимъ „бла-

городнымъ“ занятіемъ, тѣмъ большее благоволеніе заслуживалъ отъ власти предержащей, которая съ русскою землею расправлялась, какъ съ завоеванною страною. Денной разбой и грабежъ практиковались ею въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и притомъ съ самымъ возмутительнымъ цинизмомъ. Надъ тѣломъ мужика, провинившагося только тѣмъ, что онъ *не могъ* платить наложенной на него правительствомъ контрибуціи, свистали розги, нерѣдко распаренныя въ горячей водѣ или вымоченныя въ соляномъ растворѣ; съ его жалкой избенки стаскивалась крыша, грабилось его скудное хозяйство, уводился послѣдній скотъ... Недоставало только того, чтобы представители власти и закона напускали „краснаго пѣтуха“ на недоимщиковъ,— тогда сходство съ тѣмъ, что творилось, напр., турками въ Болгаріи, было бы полное... Если же измученный, выведенный изъ терпѣнія мужикъ, въ виду подобныхъ безобразій, осмѣливался возвысить голосъ или поднять руку, для защиты своего жалкаго достоянія, то за свою дерзость платился тюрьмою, ссылкою, каторгою... Въ своемъ грабежѣ и разбоѣ правительство не знало ни мѣры, ни границъ... Оно не внимало робкимъ предостереженіямъ благоразумныхъ людей, напоминавшихъ ему басню о курицѣ, несшей золотыя яйца и зарѣзанной глупымъ хозяиномъ; его не смущалъ и такой тревожный симптомъ, какъ ежегодное ростаніе недоимокъ; оно закрывало глаза и на тотъ общій фактъ, что все „труднѣе и труднѣе становится исправникамъ и становымъ взыскивать съ крестьянъ недоимки, для чего имъ приходится по нѣсколько дней не выѣзжать изъ деревни, гдѣ производится взысканіе“ (изъ письма въ „Недѣлю“); его не въ состояніи были образумить и крестьянскій

янскія „недоразумѣнія“, разрѣшавшіяся военными командами и дѣлавшіяся все болѣе и болѣе частыми... Несмотря ни на что, оно продолжало разбойничать, грабить, выматывать изъ населенія жилы, драть съ живого и мертваго... Да, съ мертваго или по крайней мѣрѣ умирающаго: вѣроятно, каждый изъ читателей знаетъ изъ газетъ о томъ, какъ изъ подъ дряхлыхъ стариковъ и трудно больныхъ вытаскивались жалкія постели и продавались за недоимки, съ публичнаго торга!... Сначала, молъ, заплати, а потомъ ужъ и помирай, коли хочешь...

Такія злодѣйства, такія гнусныя преступленія, позорящія человѣчество, возможны въ настоящее время только въ „богоспасаемой“ Руси... Ихъ продѣлывали только варвары, да и то въ военное время, въ непріятельской странѣ. У насъ же все это происходитъ въ мирное время, практикуется надъ своими же обывателями! Невольно вспоминается при этомъ торжество, происходившее минувшимъ лѣтомъ по поводу исполнившагося 500-лѣтія Куликовской битвы... Если бы народъ, глазѣвшій на это торжество, зналъ исторію и могъ сравнить то, что происходитъ теперь на русской землѣ, съ тѣмъ, что совершалось въ ней 500 лѣтъ тому назадъ, когда Русь „томилась“ подъ монгольскимъ игомъ, то онъ принялъ бы это торжество за злую насмѣшку надъ своею судьбою и побилъ бы камнями всѣхъ представителей и защитниковъ существующаго порядка, собравшихся на Куликовомъ полѣ праздновать годовщину избавленія отъ татаръ... И онъ былъ бы правъ, потому что нынѣшніе властители и распорядители судебъ русскаго народа во всѣхъ отношеніяхъ хуже, злѣе татаръ... Безпристрастная исторія говоритъ намъ, что столь сильно ославленные за свою дикость и

жестокость азіятскіе выходцы, господствовавшіе во время оно надъ русскою землею, пользовались своею властью крайне умѣренно и.... гуманно... Народъ, облагаемый сравнительно очень небольшою данью, не только не стоналъ подъ „игомъ“ варваровъ, но могъ дышать полной грудью и, пожалуй, благословлять судьбу, пославшую ихъ. Татары круто расправлялись только съ русскими деспотами, народъ же берегли, щадили, потому что того требовало благоразуміе и собственная ихъ выгода... Дикіе татары поросшей мохомъ древности, своимъ примѣромъ дающіе урокъ благоразумія и политическаго такта нынѣшнимъ русскимъ правителямъ!!!... Вотъ до какого абсурда дожила „богоспасаемая“ Русь!...

Мужикъ нашъ придавленъ современнымъ политическимъ и общественнымъ строемъ, хозяйство его раззорено силы, истощены,— истощена поэтому и земля, мстящая за себя неурожаями и недоборами въ хлѣбѣ.

Экономическій кризисъ, разразившійся въ этомъ году, есть ничто иное, какъ результатъ суммированія ежегодныхъ дефицитовъ въ народномъ хозяйствѣ и неблагопріятныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ... Чаша переполнилась,— и въ результатѣ получилась общая голодовка, всенародное бѣдствіе... Голодъ такимъ образомъ является логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ безобразныхъ, возмутительныхъ порядковъ, которые господствуютъ въ русской землѣ, и никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ явленіе случайное;— въ немъ повиненъ тотъ хищническій, разбойничій режимъ, который угнетаетъ русскій народъ и отнимаетъ у него силу бороться со всякимъ случайнымъ не-

благопріятнымъ вліяніемъ. Будь мужикъ силенъ экономически,— и ему не страшны были бы ни засухи, ни жуки, ни кузьки, ни черви. Въ 1874 г., оставившемъ по себѣ такую тяжелую память въ населеніи Самарской губерніи, поля нѣмецкихъ колонистовъ представляли поразительный контрастъ съ окружающими ихъ крестьянскими нивами, страшно пострадавшими отъ засухи, и дали прекрасный урожай, въ то время какъ кругомъ былъ полный неурожай. Разгадка такого страннаго, на первый взглядъ, явленія, по словамъ компетентныхъ людей, заключается въ томъ, что нива колониста была хорошо, удобрена, нѣсколько разъ глубоко перепахана и засѣяна здоровымъ, вполнѣ доброкачественнымъ зерномъ; благодаря этому, получились сильные всходы, хлѣбъ имѣлъ возможность глубоко укорениться въ почвѣ и недостатокъ атмосферной влаги возмѣщать влагою почвенною... Русскій же крестьянинъ, не располагавшій ни сильнымъ рабочимъ скотомъ, ни достаточнымъ количествомъ удобренія, ни порядочными орудіями, ни хорошими сѣмянами для посѣва, обреченъ былъ на созерцаніе своей гибнущей жатвы, на горькое раздумье о своей безпомощности и затѣмъ на ужасную голодовку..... Этотъ любопытный фактъ говоритъ самъ за себя; онъ краснорѣчиво доказываетъ намъ, что экономически состоятельный земледѣлецъ вполнѣ успѣшно можетъ бороться съ тѣми неблагопріятными случайностями, которыя доводятъ до конечной гибели земледѣльца обнищавшаго, придавленнаго нуждою... То, что было сказано сейчасъ о засухѣ, вполнѣ приложимо и къ „жуку“, „мухѣ“, „червю“... Эти послѣдніе такъ же мало „случайны“, какъ и сорная трава, заглушающая ниву мужика. Причина необычайнаго размноженія ихъ и страш-

наго вреда, наносимаго ими земледѣлію, заключается не въ „случаѣ“, а въ дурной земельной культурѣ, зависящей опять таки отъ экономической захудалости мужика...

Въ сильномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, при хорошей обработкѣ земли, при доброкачественномъ матеріялѣ для посѣва, разная нечисть, губящая жатву, заводится не легко, какъ это хорошо извѣстно агрономамъ;—а если и заводится, то никогда не размножается до такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ это мы видимъ теперь на русской нивѣ, и не размножается потому, что противъ нея тотчасъ же принимаются надлежащія мѣры, въ родѣ: обновленія сѣмянъ, частой и основательной перепашки земли, замѣны однихъ культурныхъ растеній другими и проч... Но какія мѣры можетъ принимать наше ограбленное до нитки, нищее населеніе?! Какъ и чѣмъ оно станетъ бороться хотя бы съ тѣмъ же „жукомъ“ или „червемъ“, когда оно лишено средствъ не только для какой бы то ни было борьбы, но даже для поддержанія своего жалкаго существованія?!... Очевидно, ему остается только сидѣть, сложа руки, смотрѣть, какъ исчезаетъ „хлѣбушко“, и ждать, пока „жукъ“ не переведется самъ собою... отъ голода... Въ повсемѣстной безхлѣбицѣ, въ повсемѣстной гибели посѣвовъ виноваты не „жуки“ и „черви“, не засухи и ливни, а та гнусная правительственная система, которая истощаетъ населеніе и землю, лишаетъ мужика самыхъ необходимыхъ средствъ существованія и самозащиты и доводитъ его до того, что малѣйшаго толчка оказывается достаточно для полнаго крушенія его хозяйства... „Жукъ“ и „червь“ — это та разбойничья шайка, которая захватила власть въ свои руки и помыкаетъ, какъ

тряпкою, многомилліоннымъ русскимъ народомъ.... Это она сожрала хлѣбъ, это она выпила зерно; это она произвела всероссійскій голодъ и моръ...

Что же однако дѣлать? Гдѣ же выходъ? Откуда ждать помощи?...

Отвѣчая на послѣдній вопросъ, приходится сказать, что помощи ждать неоткуда... Обращаясь къ органамъ нашего самоуправленія, мы видимъ, что они рѣшительно не въ состояніи серьезно бороться съ разразившеюся бѣдою. Если и не всѣ наши земства слѣдуютъ „доблестному“ примѣру дорогобужскаго (Смол. г.), отклонившаго, по предложенію предсѣдателя земскаго собранія, г. Игнатьева, просьбу гласныхъ крестьянъ о закупкѣ хлѣба на томъ основаніи, что зло вовсе не въ неурожаѣ, а въ существованіи общины, и что въ помощи нуждаются не крестьяне, а помѣщики, — если и не всѣ земства, говорю я, обнаруживаютъ такое безучастіе къ нуждамъ голодающаго мужика, то за то всѣ они страдаютъ полнымъ безденежьемъ,—земскія кассы повсемѣстно почти совершенно пусты, а потому и „земская помощь является каплею въ морѣ для обнищавшаго кругомъ и полуголоднаго населенія“, какъ пишутъ, напр., изъ Саратова... Земцы, конечно, копошатся, собираются въ экстренныя собранія, горячо толкуютъ объ обезпеченіи продовольствія нуждающемуся населенію, — но результаты всего этого копошенья выходятъ мизерными до смѣшного и невольно наталкиваютъ на мысль, что земскіе дѣятели хлопочутъ не столько о дѣйствительной помощи народу, —которая, по обстоятельствамъ дѣла, оказывается и невозможною,—сколько объ очисткѣ своей собственной совѣсти: и мы, молъ, не бездѣйствовали въ „тяжкую годину“... Въ самомъ дѣлѣ, хлѣбная

нужда въ большинствѣ крестьянскихъ семей измѣряется четвертями да кулями, а земства идутъ на борьбу съ бѣдой съ фунтиками, да и эти-то жалкіе фунтики, въ Самарской, напр., губ., обезпечиваютъ только на мѣсяцъ, много на два, ограничивая притомъ выдачу ихъ только женщинами, дѣтьми, стариками и больными и слишкомъ смѣло предполагая, что здоровые работники могутъ пропитывать себя на заработокъ (при повсемѣстной-то безработицѣ!)... Такая же мизерія обнаруживается и при разрѣшеніи земствами вопроса объ обсѣмененіи полей. Саратовское, напр., земство нашло возможнымъ помочь населенію засѣять только *пятую* часть всей пашни... Пятую часть, когда и вся-то пашня не обезпечиваетъ средствъ продовольствія!... Для чего дѣлается все это, какъ не для очистки совѣсти?!...

Многія земства не только не могутъ ничего удѣлить голодному крестьянству, но даже сами сильно нуждаются въ средствахъ для покрытія текущихъ расходовъ; такъ, одно изъ уѣздныхъ земствъ Екатеринославской губ. ходатайствовало недавно о ссудѣ въ 150,000 р., мотивируя это ходатайство тѣмъ, что земскихъ сборовъ въ текущемъ году совсѣмъ не поступаетъ... Съ такими же ходатайствами выступила и большая часть уѣздныхъ земствъ Саратовской губ. Нѣтъ возможности разсчитывать и на заимствованія изъ общаго продовольственнаго капитала имперіи, такъ какъ, по оффиціальному сообщенію, остатокъ этого капитала простирается до 5,118,000 рублей, требованія же ссудъ поступаютъ въ громадномъ числѣ и притомъ требуются суммы весьма почтенныхъ размѣровъ. *) Одно только самарское губернское

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, изъ общаго продоволь-

земство просить у правительства на продовольствіе и обсѣмененіе 6,700,000 р. (осенью 74 г. оно просило лишь 3 милліона); екатеринославскому земству для той же цѣли нужно болѣе 2½ милліоновъ, — одинъ Маріупольскій уѣздъ нуждается въ 1,111,000 руб.; тамбовское земство опредѣляетъ нужды населенія въ 6 милліоновъ рублей: балашевская земская управа просить ссуду въ 200,000 р. и т. д., и т. д.

Состояніе государственныхъ финансовъ, какъ извѣстно, чрезвычайно плохо, а потому правительство не въ состояніи будетъ удовлетворить и ничтожной доли земскихъ требованій. Такимъ образомъ, земства, предоставленныя самимъ себѣ, заявятъ о своемъ существованіи развѣ только одними банкротствами, которыя не только возможны, но даже очень вѣроятны, такъ какъ пополненія тощихъ земскихъ кассъ голодными, въ конецъ раззоренными обывателями ожидать въ настоящее время довольно трудно. Немногимъ лучше, чѣмъ въ деревняхъ, дѣло стоитъ и въ городахъ, гдѣ за разрѣшеніе вопроса о продовольствіи взялись городскія думы. Многія изъ послѣднихъ приступили къ закупкѣ большихъ партій хлѣба, который и продаютъ нуждающимся по низшимъ, сравнительно съ рыночными, цѣнамъ, чѣмъ до нѣкоторой степени и смягчаютъ остроту нужды. Но нельзя не видѣть, что это смягченіе является только жалкимъ палліативомъ, что вышеупомянутыя думскія операціи съ хлѣбомъ совсѣмъ не разрѣшаютъ жгучаго вопроса о продовольствіи населенія, что благопріятный результатъ отъ нихъ можетъ быть только временный. Въ самомъ дѣлѣ,

---

ственнаго капитала къ январю 1881 года оставалось только 1,750,000 р.

пройдетъ мѣсяцъ—другой, и цѣна на хлѣбъ, при не большихъ запасахъ его въ этомъ году и при все болѣе и болѣе увеличивающемся спросѣ, должна сильно подняться и въ оптовой продажѣ; такимъ образомъ, городамъ, если они будутъ продолжать свои экономическія закупки, хлѣбъ будетъ обходиться все дороже и дороже, а слѣдовательно, и польза отъ такихъ закупокъ становиться все менѣе и менѣе осязательною... Съ другой же стороны, въ поискахъ за хлѣбомъ, массы голоднаго крестьянства валятъ изъ деревень въ города и до громадныхъ размѣровъ увеличиваютъ число [illegible]. Въ Самарѣ, напр., пришлый голодный народъ вмѣстѣ съ $^2/_3$ мѣстнаго голоднаго же мѣщанства, составлялъ, еще въ октябрѣ, армію приблизительно въ 15 тысячъ человѣкъ; въ Саратовѣ бѣдныхъ, неимѣющихъ хлѣба, вмѣстѣ съ прибывшими изъ деревень крестьянами, въ томъ же октябрѣ было не менѣе 40 тысячъ;—такое же приращеніе населенія, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, происходитъ и въ остальныхъ городахъ. При подобныхъ условіяхъ вопросъ о продовольствіи въ городахъ въ самомъ недалекомъ будущемъ сдѣлается такимъ же жгучимъ, какъ и въ деревняхъ; очевидно, что городскіе капиталы очень скоро будутъ истощены и населеніе будетъ поставлено въ безвыходное положеніе. Необходимо при этомъ помнить, что городскія кассы, такъ же какъ и земскія, находятся въ очень печальномъ положеніи. Недавно, напр., орловская дума обратилась къ городскимъ избирателямъ съ открытымъ письмомъ, въ которомъ заявляетъ, что городъ находится наканунѣ полнаго банкротства". Есть основанія думать, что такой же канунъ переживаютъ теперь и многіе другіе города. Что же касается до

частной инициативы, то принимать ее въ разсчетъ совершенно невозможно. Голодовка теперь въ полномъ разгарѣ, а между тѣмъ ни о какой общей подпискѣ въ пользу голодающихъ не заводится и рѣчи;—наше сытое „общество“ оказывается совершенно равнодушнымъ къ тому, что происходитъ среди нашихъ „меньшихъ братій“, и скорѣе откликнется на приглашеніе И. С. Тургенева жертвовать на памятникъ французскому писателю Флоберу, чѣмъ отзовется на стоны голодающаго народа. Да и что можетъ сдѣлать частная инициатива и благотворительность, когда, по словамъ даже самого „Правительственнаго Вѣстника“, голодныхъ ртовъ предвидится нѣсколько милліоновъ, а чтобы заткнуть эти рты хотя на время, необходимы многіе десятки милліоновъ рублей?!...

Если органы нашего общественнаго самоуправленія не располагаютъ даже и палліативными средствами для борьбы со зломъ, если они не въ состояніи даже и облегчить тяжелые припадки обострившейся общественной болѣзни, то понятно, что они не могутъ даже и мечтать о принятіи какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ, которыя радикально излечили бы недугъ и сдѣлали бы его невозможнымъ въ будущемъ. Посмотрите, напр., на наше земство, на которое возлагались въ былое время такія великія надежды и которое теперь еле-еле влачитъ свое жалкое, хилое существованіе. Несмотря на то, что по временамъ въ немъ вспыхивалъ кое-гдѣ огонекъ, пробивалась жизнь, обнаруживались хорошіе порывы и честныя стремленія, оно рѣшительно ничего не сдѣлало для народа и не привлекло къ себѣ его симпатій, — и не сдѣлало потому, что не могло ничего сдѣлать. Вся исторія нашихъ земскихъ учрежденій есть

ничто иное, какъ исторія борьбы земства съ высшею властью, которая на каждомъ шагу урѣзывала его права и полномочія, на каждомъ шагу тормозила его иниціативу, сводила его дѣятельность къ нулю, какъ только замѣчала, что земство намѣревается серьезно взяться за удовлетвореніе той или другой изъ множества насущныхъ нуждъ населенія... Сколько разъ напр. земство заявляло правительству о крайней недостаточности крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, о непосильной тяжести податей и налоговъ, о гнетѣ паспортной системы и т. д. Какъ извѣстно, правительство или оставалось глухо къ подобнымъ заявленіямъ, или же налагало печать молчанія на уста дерзкихъ земцевъ, вздумавшихъ учить его уму-разуму... По закону, земство обязано заботиться о благосостояніи ввѣреннаго его попеченіямъ населенія; а между тѣмъ, едва только оно начнетъ проявлять какую бы то ни было дѣятельность въ этомъ направленіи, какъ тотчасъ же встрѣчается съ грознымъ окрикомъ: Куда лѣзешь! Не суйся! Не твое дѣло!... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наше правительство, проникнутое явною враждебностью къ народу, на шеѣ у котораго оно сидитъ и у котораго высасываетъ всѣ жизненные соки, вздумало отнять у этого народа и послѣдній жизненный ресурсъ, обставивъ арендованіе казенныхъ земель такими условіями, что оно стало совершенно невозможно для крестьянства... Чтобы хоть сколько нибудь парализовать вредное дѣйствіе этой безсмысленной правительственной мѣры, нѣкоторыя земства выступили съ предложеніемъ вносить за крестьянскія общества требуемый новымъ закономъ залогъ и тѣмъ облегчить имъ возможность брать казенныя земли въ аренду... Власть не могла, конечно, по-

терпѣть такого противодѣйствія себѣ въ дѣлѣ обездоленія народа,—и усердным земствамъ еще разъ было поставлено на видъ, что они существуютъ только для формы, для видимости, а отнюдь не для дѣла... Фактъ этотъ на столько краснорѣчивъ, что избавляетъ меня отъ необходимости приводить другія доказательства (а ихъ масса!) въ пользу той избитой мысли, что земство совершенно безсильно сдѣлать что нибудь путное для парода, помочь ему въ „тяжкую годину", поднять хоть сколько нибудь уровень его благосостоянія... А потому мы оставимъ его въ покоѣ и перейдемъ къ государственной власти, къ правительству...

Изъ того, что было сказано выше о причинахъ современнаго экономическаго кризиса, ясно до очевидности, что серьезно разсчитывать и надѣяться на правительственную помощь при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ было бы болѣе чѣмъ наивно. Въ самомъ дѣлѣ, настоящее бѣдствіе есть результатъ обезземеленія мужика, хищнической, грабительской системы управленія страною, страшнаго правительственнаго гнета, который тяготѣетъ надъ населеніемъ. Слѣдовательно, русскій народъ могъ бы оправиться, вздохнуть полною грудью и смѣло смотрѣть въ будущее, не боясь глада и мора, только въ томъ случаѣ, если бы правительство возвратило *всю* русскую землю ея дѣйствительному владѣльцу, мужику, трудомъ котораго она воздѣлана и потомъ котораго орошена,- если бы оно предоставило въ распоряженіе этого мужика всѣ имѣющіяся въ его рукахъ средства и рессурсы, если бы оно разъ и навсегда отказалось отъ своего систематическаго разбоя и грабежа и затѣмъ совершенно устранилось отъ всякаго вмѣшательства въ народную жизнь, т. е.,

другими словами, народъ вздохнулъ бы свободно только тогда, когда правительство сошло бы со сцены, добровольно наложивъ само на себя руки. Только тогда!... Но мы очень хорошо знаемъ, что правительство какъ нельзя болѣе далеко отъ мысли о подобномъ самопожертвованіи; мы знаемъ также и то, что оно даже и не можетъ, если бы и хотѣло, свернуть съ того пути, по которому теперь идетъ, не можетъ измѣнить той системѣ, которой теперь держится. Система эта вовсе не есть продуктъ чьего-либо личнаго творчества и поддерживается совсѣмъ не личностями: при существующемъ строѣ она является роковою необходимостью, которой рабски подчиняются сами представители власти и распорядители судебъ народныхъ. По самому своему положенію, эти послѣдніе не могутъ перестать разбойничать и грабить, потому что разбой и грабежъ, практикуемый ими, есть дѣло не личное, а государственное и совершается не по личному произволу, а по требованіямъ государственнаго организма. Государство и есть тотъ Молохъ, которому русскій народъ вынужденъ нести непосильныя жертвы, обрекающія его на гладъ и моръ... И нужно при этомъ замѣтить, что, по мѣрѣ того, какъ государство растетъ и развивается, увеличиваются и его потребности, для удовлетворенія которыхъ становятся необходимыми все большія и большія средства, а слѣдовательно, все новыя и болѣе тяжелыя жертвы со стороны народа... И мы дѣйствительно видимъ, что бюджеты всѣхъ вообще государствъ, а въ томъ числѣ, конечно, и нашего, растутъ съ каждымъ годомъ... Неся призрачныя блага цивилизаціи народу, государство требуетъ отъ послѣдняго денегъ, денегъ, денегъ... Жизненные ресурсы оно должно добы-

вать отъ народа во что бы то ни стало, потому что безъ нихъ оно не можетъ существовать, — и если эти рессурсы не доставляются добровольно, по одному любезному приглашенію, то оно волей-неволей должно брать ихъ силой, прибѣгать къ разбою и грабежу... Для представителей и защитниковъ государственной идеи, т. е., для правительства, это является роковою необходимостью... Иначе ничего не подѣлаешь: *нужно* разбойничать, *нужно* грабить... Случай можетъ отдавать власть въ руки людей, совершенно непохожихъ одинъ на другого по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ; на престолъ можетъ взобраться и Иванъ Юродивый, и Алексѣй Тишайшій, и Катерина Блудливая, и Александръ Ханжа и Николай Забубенный, но всѣ они необходимо встрѣчаются съ этимъ повелительнымъ „нужно“; вмѣстѣ съ короною на нихъ налагается и *обязанность* грабить народъ... И они исполняли, исполняютъ и будутъ исполнять эту обязанность неукоснительно, хотя личное отношеніе ихъ къ дѣлу можетъ быть и неодинаково: одинъ при этомъ будетъ захлебываться отъ восторга, другой плакать и сокрушаться, третій оставаться безчувственнымъ истуканомъ и т. д. А такъ какъ народу нѣтъ никакого дѣла до правительственныхъ сантиментовъ, разъ фактъ грабежа остается на лицо, то для него (а слѣдовательно, и для лицъ, отстаивающихъ *его* интересы) должно быть совершенно безразлично, какое двуногое распоряжается въ данную минуту судьбами страны и выполняетъ свою провиденціальную миссію—грабить... Не менѣе безразлична для народа и его истинныхъ друзей и та Конституція, которой такъ давно ожидаетъ наше общество и которой, по недоразумѣнію, приносится столько жертвъ извѣст-

ною фракціею нашей революціонной партіи... Какъ показываетъ историческій опытъ, при перемѣнѣ неограниченнаго образа правленія на конституціонный, государственный бюджетъ не только не сокращается, но всегда и вездѣ сильно увеличивается; тоже самое, конечно, будетъ и у насъ. Такимъ образомъ, ожидаемая конституція, какъ и всѣ реформы послѣдняго времени, ляжетъ только новымъ бременемъ на народъ и введетъ въ практику новые способы эксплуатаціи народныхъ силъ и труда...

Для насъ важно въ данномъ случаѣ указать на ту неоспоримую истину, что пока существуетъ современное государство, до тѣхъ поръ народъ не выбьется изъ своего бѣдственнаго положенія, до тѣхъ поръ онъ будетъ страдать отъ гнетущей его правительственной системы,—и что никакія политическія комбинаціи, никакія реформы сверху зла не искоренятъ и не облегчатъ. Народъ долженъ знать, а мы ежеминутно помнить, что еслибы правительство, для поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлишекъ и поднятія своего пошатнувшагося кредита, и вздумало рано или поздно облагодѣтельствовать Россію конституціею, то эта послѣдняя ни на одну іоту не измѣнитъ бѣдственнаго экономическаго положенія народа, ни на одинъ шагъ не приблизитъ его къ его излюбленному идеалу, выражающемуся краткою, но содержательною формулою: „Земля и Воля“. Для народа останется все по старому и при конституціи, которой, впрочемъ, правительство вовсе не думаетъ и давать, какъ это ясно видно изъ строгаго внушенія, сдѣланнаго по этому поводу нашей печати Лорисъ-Меликовымъ. Не думаетъ оно также приступать и къ другимъ, хоть сколько нибудь серьезнымъ

мѣрамъ, для облегченія участи бѣдствующаго народа... Этотъ послѣдній страшно страдаетъ отъ безземелія; печать наша настойчиво твердитъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ; серьезные ученые съ цифрами въ рукахъ доказываютъ полную невозможность хозяйства при томъ ничтожномъ количествѣ земли, которое въ настоящее время имѣется въ распоряженіи мужика; въ народѣ ходятъ упорные слухи о какомъ то благодатномъ „черномъ передѣлѣ“,—а правительство отзывается на все это категорическимъ заявленіемъ, что никакого надѣленія крестьянъ землею не имѣется даже и въ виду, что слухи о передѣлѣ распускаются злонамѣренными людьми (циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Макова)... *) Правитель-

*) Замѣчу здѣсь кстати, что правительство чрезвычайно озабочено этими слухами и смотритъ на нихъ, какъ на крайне тревожный симптомъ. Когда предлагаемая брошюра была уже приготовлена къ печати, появился № 4 „Народной Воли“, въ которомъ помѣщено весьма интересное „Особое Наставленіе“ ревизующимъ сенаторомъ. Привожу здѣсь изъ этого „Наставленія“ слѣдующую любопытную выдержку:

„3. Удостовѣриться въ настроеніи умовъ крестьянскаго населенія: были ли за послѣднее время возстанія, чѣмъ они вызывались и какими мѣрами прекращались,—и обратить вниманіе, не замѣчается ли въ крестьянахъ ожиданій и толковъ о новомъ надѣленіи землей, о такъ называемомъ въ великорусскихъ губерніяхъ „Черномъ Передѣлѣ“, а въ Малороссіи „Слушномъ Часѣ“, причемъ выяснить, что могло бы способствовать къ прекращенію этихъ ложныхъ толковъ и къ успокоенію умовъ крестьянъ“.

Вопросъ объ этихъ „ложныхъ толкахъ“, на ряду съ вопросомъ о причинахъ, способствующихъ распространенію въ народѣ „соціальныхъ лжеученій“, рекомендуется ревизорамъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, „ближайшее изслѣдованіе коихъ... должно быть признано особенно важнымъ и желательнымъ“.

ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР

ство не только не намѣрено приступать къ рѣшенію жгучаго земельнаго вопроса и измѣнять теперешнее status quo,—но еще отнимаетъ у мужика возможность пользоваться землею и на правахъ арендатора, обставляя, какъ мы видѣли выше, арендованіе казенныхъ земель стѣснительными для крестьянина условіями и запрещая земству протягивать мужику руку помощи... Таково отношеніе правительства къ одной изъ самыхъ неотложныхъ нуждъ крестьянства; таково же отношеніе его и къ другому жгучему вопросу, податному... За послѣднее время въ печати нашей много было говорено о томъ, что въ министерствѣ финансовъ будто бы дѣятельно занимаются выработкою проэкта податной реформы, причемъ приводились даже и подробности... Можно было думать, что вотъ-вотъ, не сегодня—завтра, будетъ объявлено объ отмѣнѣ подушной подати и о введеніи подоходнаго налога, какъ вдругъ отъ министерства появляется „разъясненіе“, что всѣ газетные толки о новомъ проэктѣ... „преждевременны“... Это разъясненіе заставляетъ думать, что проэктъ реформы еще далеко не выработанъ окончательно и что газетныя сообщенія о сущности его не отвѣчаютъ дѣйствительности... Какова будетъ ожидаемая реформа и когда она совершится, — это извѣстно

Что же касается до того, какое впечатлѣніе производятъ на народъ такъ называемые „террористическіе факты“, то авторы „Наставленія“ совсѣмъ этимъ и не интересуются. Очевидно, правительство гораздо больше боится „соціальныхъ ложученій“ и народа, съ его толками о „передѣлѣ“, чѣмъ всѣхъ „террористовъ“, взятыхъ вмѣстѣ, со всѣми ихъ взрывами, выстрѣлами и т. д. Оказывается, что въ этомъ случаѣ оно обнаруживаетъ гораздо болѣе здраваго смысла, чѣмъ можно было бы отъ него ожидать.

теперь одному господу богу... Народу такимъ образомъ и тутъ приходится ждать и притомъ неизвѣстно, чего... Лично мы не придаемъ серьезнаго значенія *никакимъ* податнымъ реформамъ, разъ ихъ вводитъ государственная власть. Какова бы реформа ни была, она никогда не можетъ уменьшить величину взимаемой государствомъ съ народа контрибуціи и всегда сводится только къ замѣнѣ *одного способа взиманія другимъ*... Съ чего бы налогъ ни брался,—съ души, труда, земли, капитала, дохода, — въ послѣднемъ счетѣ выплачиваетъ его всегда рабочая масса, мужикъ.... Слѣдовательно, ни отъ какихъ реформъ въ системѣ налоговъ мужикъ, въ сущности, выиграть ничего не можетъ; ничего не выиграетъ онъ и отъ отмѣны подушной подати, но... эта отмѣна все таки могла бы оказать временное облегченіе для народа и, какъ палліативъ, была бы полезна ему, особенно при настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ... Но развѣ *правительство наше думаетъ когда нибудь* объ облегченіи бѣдственнаго положенія народа?! Подождетъ народъ и съ отмѣной „подушной“, а пока пусть несетъ въ казну эту „подушную“, пусть подвергается „понужденіямъ“ со стороны исправниковъ и становыхъ!...

Да, читатель, „понужденіямъ“!... Оказывается, что безумію, жестокости, безчеловѣчности нашего разбойнаго правительства рѣшительно нѣтъ предѣловъ... Народъ находится въ „страшномъ“, „отчаянномъ“, „безнадежномъ“ положеніи, нѣтъ у него *ни хлѣба, ни гроша денегъ для покупки его*, онъ вынужденъ питаться невообразимою дрянью, пухнетъ, мретъ отъ голода, мретъ отъ всевозможныхъ повальныхъ болѣзней и, въ виду страшнаго призрака голодной смерти, въ ужасѣ разбѣгается,

куда глаза глядятъ... При одной только мысли о тѣхъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ, которыя теперь выноситъ народъ, волосы на головѣ становятся дыбомъ... Всюду ужасъ и отчаяніе, всюду стоны и вопли... И вотъ, въ такое то время, при такихъ то условіяхъ власть предержащая занимается „выбиваніемъ“ изъ гибнущаго народа податей и недоимокъ!... Немыслимо, невѣроятно, а между тѣмъ это фактъ. Изъ приводимыхъ ниже извѣстій, почерпнутыхъ мною изъ газетъ, читатель увидитъ, что я не мистифицирую его, а говорю голую истину... Загляните, напр., въ Козелецкій уѣздъ (Черн. г.), въ которомъ, какъ мы видѣли выше, народъ питается хлѣбомъ съ овсомъ и лебедой, гдѣ зерна для посѣва нѣтъ, гдѣ повсемѣстный падежъ скота, гдѣ свирѣпствуетъ дифтеритъ... И вотъ, въ этомъ то многострадальномъ уѣздѣ, по сообщенію корреспондента, идетъ „энергичное требованіе недоимокъ“... Изъ Кролевецкаго уѣзда той же Черн. губ. пишутъ: „мѣстная администрація усердно принялась за взысканіе окладныхъ платежей“... Въ Смоленскомъ уѣздѣ, при „безвыходномъ положеніи населенія“, при полномъ неурожаѣ озимыхъ хлѣбовъ, при отсутствіи хлѣба и заработковъ, при страшной чумѣ на скотѣ („на рѣдкомъ дворѣ осталась скотина“), „яровые пошли на уплату податей и недоимокъ“... Очевидно, что въ такое трудное для мужика время они могли „пойти“ только при содѣйствіи становыхъ... Въ Александр. уѣздѣ (Екат. губ.)... „крестьянина еще страшно тяготитъ подать. Усердная полиція дѣломъ и словомъ грозитъ старшинѣ и старостѣ, а „провинившимся“ въ концѣ концовъ оказывается все тотъ же голодный, оборванный, приниженный, обезличенный крестьянинъ“. Въ Купянскомъ уѣздѣ (Харьк. губ.), послѣ цѣлаго

ряда неурожаевъ, которые довели населеніе до крайней степени нужды и заставили его питаться хлѣбомъ изъ желудей, отъ котораго отворачиваются даже голодныя собаки,—„въ іюлѣ настоящаго года (80) приступлено было къ энергическимъ мѣрамъ для взысканія податей“..

Мы привели здѣсь извѣстія изъ 4 — 5 мѣстностей, случайно встрѣченныя нами въ газетахъ... Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что тоже самое практикуется и въ другихъ мѣстахъ: администрація наша всюду отличается одними и тѣми же качествами, — и если она ставитъ на правежъ голодный народъ и выколачиваетъ изъ пухнущаго отъ голода мужика недоимки въ какомъ нибудь Козелецкомъ, Александровскомъ или Смоленскомъ уѣздѣ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы она поступала иначе въ Пошехоньѣ, Ставрополѣ, Царевококшайскѣ и т. д... Вѣдь она, эта администрація, и прежде не интересовалась положеніемъ мужика, когда приступала къ сниранію съ него шкуры и дѣйствовала при этомъ съ безпощадною свирѣпостью. Съ какой стати ей теперь обращать вниманіе на голодъ и прочія бѣдствія и давать потачку голоднымъ плательщикамъ!... Это было бы даже и опасно: давать потачки, значитъ признавать „неизобиліе“, а разъ заговори о неизобиліи, и оно, по показанію щедринскаго графа Твердоонто полѣзетъ изо всѣхъ щелей и съ нимъ ужъ окончательно не справишься. Вѣрная принципамъ почтеннаго графа, администрація не хочетъ знать факта „неизобилія“ и теперь и „понуждаетъ“, выколачиваетъ, высѣкаетъ... Любопытнѣе всего то, что все это она продѣлываетъ какъ разъ въ то время, когда печать наша единогласно и громогласно вопіетъ о

необходимости сложенія недоимокъ и пріостановкѣ взысканія податей съ мужика...

Таковы тѣ мѣры, которыми правительство въ „тяжкую годину“ отзывается на народныя нужды. Несмотря ни на всероссійскій голодъ, ни на другія всевозможныя бѣдствія, обрушившіяся на мужика, оно продолжаетъ грабить и разбойничать по прежнему, да при этомъ упражняется еще въ остроуміи и зло подсмѣивается надъ мужикомъ... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не злая и ѣдкая насмѣшка надъ русскимъ народомъ этотъ ноябрскій указъ объ отмѣнѣ акциза съ соли?... Раньше эта отмѣна дѣйствительно могла бы быть полезна для народа, такъ какъ соль играетъ громадную роль въ народномъ хозяйствѣ... Но какой смыслъ имѣетъ пожалованіе „вѣрноподданныхъ“ солью, когда всякое хозяйство у нихъ уже рухнуло и въ очень многихъ мѣстахъ оставлено и брошено на произволъ судьбы?!... Зачѣмъ народу дешовая соль, когда ему нечего солить ею?!... Воля ваша, читатель, — а кромѣ правительственнаго остроумія я ничего въ этой мѣрѣ не вижу... Только какъ бы остроуміе это не послужило во вредъ правительству: какъ извѣстно, соль дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на желудокъ, вызываетъ аппетитъ, — а обострять аппетитъ, когда ѣсть нечего, пожалуй, не совсѣмъ и безопасно...

Кромѣ совершившейся уже отмѣны акциза на соль, правительство намѣревается выступить еще съ одною мѣрою, долженствующею, по его соображеніямъ, облегчить народу борьбу съ голодомъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря въ комитетѣ министровъ обсуждался вопросъ объ „организаціи общественныхъ работъ въ неурожайныхъ губерніяхъ“. Изъ такихъ губерній выбраны пока только

три: Екатеринославская, Самарская и Саратовская. Населеніе ихъ предполагается занять работами по устройству ирригаціи, дорогъ, подъѣздныхъ путей къ пристанямъ и т. д., на что и будетъ ассигновано изъ государственнаго казначейства около 500,000 р. По разсчету авторовъ проэкта, работы эти продолжатся нѣсколько мѣсяцевъ и въ состояніи будутъ занять до 40,000 ч. Что значатъ эти 40,000 занятыхъ работою людей, когда въ трехъ вышеупомянутыхъ губерніяхъ голодныхъ гораздо больше милліона,— мы уже видѣли, что въ одной Самарской губ. ихъ насчитывается болѣе 600,000 ч., — и когда для удовлетворенія неотложнѣйшихъ нуждъ ихъ, по самымъ умѣреннымъ разсчетамъ земствъ, требуются не какіе нибудь жалкіе 500,000 р., которые правительство думаетъ выдать населенію въ видѣ заработной платы, а болѣе 10 милліоновъ!...

И такъ, мы видимъ, что народу нечего ждать и отъ правительства. Ясно до очевидности, что оно не желаетъ помогать народу въ его бѣдственномъ положеніи,—не желаетъ, да въ сущности и не можетъ, такъ какъ само связано по рукамъ и по ногамъ системою государственнаго грабежа, которою только и держится существующій порядокъ. Слѣдовательно, народу остается разсчитывать и надѣяться только на свои собственныя силы, выбиваться изъ невыносимаго положенія собственными средствами. Такъ какъ *никакія* реформы, *никакая* конституція не могутъ принести существенной пользы народу, то слѣдовательно этому послѣднему нѣтъ и резона стремиться къ нимъ, тратить силы и время на ихъ достиженія. Единственная причина всѣхъ золъ и бѣдъ, такъ страшно удручающихъ теперь русскій народъ, заключается въ той системѣ общественно-политическихъ отношеній, которыя

составляютъ status quo; поэтому, задача народа сводится къ уничтоженію существующаго порядка во всѣхъ его проявленіяхъ, къ безпощадной ломкѣ существующихъ формъ и отношеній. Въ борьбѣ съ современнымъ государственнымъ строемъ для него все спасеніе; эта борьба составляетъ для него вопросъ о жизни и смерти. Но, спрашивается, достаточно ли онъ подготовленъ, чтобы начать эту борьбу теперь же? Много ли на его сторонѣ шансовъ одержать въ ней побѣду? Чтобы имѣть возможность отвѣтить на эти вопросы хотя съ приблизительною точностію, намъ необходимо ознакомиться съ теперешнимъ настроеніемъ народа, присмотрѣться къ тому, какъ онъ относится къ современной дѣйствительности...

Настроеніе народнаго духа въ настоящее время чрезвычайно тревожно,—вотъ истина, которую признаютъ и на которую указываютъ и наиболѣе благоразумные изъ защитниковъ и охранителей существующаго порядка. Считаю нелишнимъ привести здѣсь небольшую выдержку изъ письма одного изъ такихъ защитниковъ, письма, присланнаго въ „Недѣлю“, но не напечатаннаго въ ней цѣликомъ, „по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ“. Если судить объ этомъ письмѣ только по тѣмъ, очевидно, наименѣе рѣзкимъ, отрывкамъ, которые редакція нашла возможнымъ напечатать, то оно должно быть чрезвычайно интересно, и намъ остается только пожалѣть, что „независящія обстоятельства“ лишаютъ насъ возможности ознакомиться съ откровеннымъ словомъ человѣка, знающаго народъ не по книгамъ, а по непосредственнымъ и долговременнымъ наблюденіямъ надъ его жизнію. Говоря о томъ,что дѣятельность нашей революціонной партіи не представляетъ сама по

себѣ ни малѣйшей опасности для существующаго порядка, такъ какъ партія эта не имѣетъ никакихъ корней въ народѣ, авторъ замѣчаетъ далѣе, что однако же было бы большою ошибкою считать народъ вполнѣ свободнымъ отъ опасныхъ элементовъ. Нѣтъ, они въ немъ есть и въ достаточномъ количествѣ и заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что не внесены въ него извнѣ какою либо пропагандою, а развиваются совершенно самостоятельно, благодаря тому, что творится въ самой народной средѣ подъ вліяніемъ экономическихъ затрудненій Размѣры этихъ послѣднихъ, по наблюденіямъ автора, достигли такихъ крайнихъ предѣловъ, что „нужно только, говоритъ онъ, удивляться, какъ мало придаютъ имъ значенія...“ По мнѣнію его, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ настоящаго положенія должно быть страшное народное возстаніе. Русскій крестьянинъ, говоритъ онъ, ко всему можетъ приспособиться, все можетъ снести; но „голодъ—не свой братъ, и съ нимъ свыкнуться не возможно. Голодный человѣкъ становится животнымъ, а въ этомъ состояніи онъ можетъ забыть все, что прежде заставляло его мириться съ неудобствами своего положенія.“ Опасность, которою этотъ „голодный человѣкъ“ угрожаетъ русскому государству, по мнѣнію автора, растетъ съ каждымъ годомъ, и онъ считаетъ ее очень близкой. Таково положеніе дѣлъ, по словамъ человѣка, враждебнаго „безумнымъ затѣямъ революціонеровъ“.

Все это было писано въ 1878 году, какъ разъ послѣ убійства Мезенцова. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ „экономическія затрудненія“ перешли и за тѣ „крайніе предѣлы“, на которые указывалъ авторъ письма, и наконецъ вызвали повсемѣстный гладъ и моръ. Если настроеніе народнаго духа было чрез-

вычайно тревожно тогда, въ 1878 году, если и тогда опасность была близка, то что же сказать о переживаемомъ нами теперь моментѣ, когда большей степени нужды и бѣдствія нельзя себѣ даже и представить!... Къ величайшему сожалѣнію, вся наша революціонная партія за послѣдніе годы совершенно оторвалась отъ своей почвы и, на сколько намъ извѣстно, почти совсѣмъ не дѣлаетъ даже и попытокъ, путемъ личнаго наблюденія и изслѣдованія, ознакомиться съ тѣми мыслями и чувствами, которыя волнуютъ народъ въ настоящее критическое время. За недостаткомъ такихъ наблюденій намъ приходится судить о теперешнемъ настроеніи народа исключительно только по случайнымъ, отрывочнымъ и крайне неполнымъ извѣстіямъ о фактахъ и явленіяхъ народной жизни, время отъ времени попадающимъ на столбцы нашихъ оффиціальныхъ газетъ и журналовъ. Но и изъ этихъ извѣстій, какъ они ни случайны, отрывочны и неполны, совершенно ясно видно, что если два года тому назадъ были основанія съ тревогой и боязнью поглядывать на „голоднаго мужика“, то теперь этихъ основаній значительно поприбавилось... Въ настоящее время сквозь безропотность и тихую покорность судьбѣ, съ которыми масса народа переноситъ всѣ, обрушивающіяся на него, бѣдствія, все чаще и чаще начинаетъ пробиваться раздраженіе, озлобленіе, активный протестъ. Сколько въ теченіи этого года было однихъ „вооруженныхъ сопротивленій“ въ нашихъ деревняхъ! Сколько разъ приходилось двигать войска для усмиренія разныхъ бунтовъ и волненій среди крестьянъ!... Едва окончилось судебное разбирательство по дѣлу „о сопротивленіи“ крестьянъ села Дербетовки (Ставр. г.) и сосѣднихъ съ нимъ деревень, какъ мы уже слышимъ о другомъ подоб-

номъ же дѣлѣ, въ которомъ фигурируютъ крестьяне нѣсколькихъ селеній и между прочимъ деревни Щетинино (Великолуцк. у.). Не успѣли еще щетининцы отсидѣть въ тюрьмѣ назначеннаго имъ по суду кратковременнаго заключенія, какъ съ дрекольями въ рукахъ поднимаются крестьяне деревни Лютричи, во владѣніяхъ графа Баринскаго (Епиф. у. Тульск. г.)

Это все дѣла, развязка которыхъ происходила на судебныхъ подмосткахъ... А сколько, помимо ихъ, было и такихъ, которыя еще не дошли до суда или окончены административнымъ порядкомъ!... Вотъ, напр., передъ нами лежитъ 29 № „Недѣли", отъ 20-го іюля 1880 г. Въ немъ мы читаемъ слѣдующее: „Въ Черниговской губ. было нѣсколько случаевъ крестьянскихъ волненій, для усмиренія которыхъ требовались роты солдатъ. Въ Новгородсѣверскомъ у. войска были посланы въ имѣніе князя Голицина, въ Черниговскомъ же въ имѣніе г. Посудіевскаго; въ обоихъ этихъ случаяхъ поводомъ къ волненіямъ былъ отказъ крестьянамъ въ пользованіи выгономъ. Кромѣ того войска посылались еще въ Городнинскій и Борзенскій у. гдѣ волненія произошли вслѣдствіе неудовольствій по поводу межеванія... „Въ одномъ № газеты извѣстія о четырехъ „бунтахъ" и притомъ въ одной только губерніи!... „Недѣля" прибавляетъ: „Замѣчательно, что газетныя извѣстія объ этомъ отличаются особенною лаконичностью... Ужъ гдѣ намъ до подробныхъ сообщеній! Были-бы хоть лаконичныя, да только обо всѣхъ случаяхъ волненій и „недоразумѣній", происходящихъ на русской землѣ. А то сплошь и рядомъ о такихъ случаяхъ и совсѣмъ не доводится до свѣденія публики...

Недостатокъ мѣста не даетъ намъ возможности остановиться на нѣкоторыхъ характерныхъ под-

робностяхъ разбиравшихся въ судахъ дѣлъ о „сопротивленіи властямъ“,— подробностяхъ, живо обрисовывающихъ то раздраженіе и ту злобу, которыя накипѣли у мужика по отношенію къ представителямъ власти и панамъ. Теперь же мы перейдемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя показываютъ, какую реакцію въ народѣ вызываютъ современныя бѣдствія и во главѣ ихъ голодъ.

Отовсюду, рѣшительно отовсюду несутся вѣсти, что кражи, грабежи, разбои увеличились за послѣднее время до громадныхъ размѣровъ, что тюрьмы совершенно переполнены... Посмотрите, что пишутъ на этотъ счетъ въ газетахъ. Въ Архангельскѣ „кражи и грабежи обратились въ явленіе обычное, заурядное .Въ Зарайскѣ (Рязанск. губ.) „кражи и воровства стали за послѣднее время особенно часты“. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ бродятъ массы голодныхъ рабочихъ, рѣшающихся на всевозможныя преступленія“. Въ Твери „грабежи за послѣднее время отличаются особенною дерзостью“. „30.000 рабочее населеніе Орѣхова —Зуева выдѣлило въ настоящее время крупную цифру голоднаго, бездомнаго пролетаріата ,начинающаго угрожать спокойствію мѣстныхъ жителей“. Изъ Ржева (Тверск. г.) пишутъ, что „грабежи въ городѣ совершаются среди бѣлаго дня. Мужики, пріѣзжающіе изъ деревень на базаръ, не рѣшаются выѣзжать изъ города въ одиночку“. По словамъ „Нов. Врем.,“ въ Петербургѣ, за Нарвской Заставой, „рабочіе разбили двѣ мелочныя лавочки за то, что хозяева ихъ дорого продаютъ хлѣбъ“. Въ Самарѣ „голодъ и безработица заставляютъ пролетаріевъ пускаться на кражи, грабежи, мошенничества. Въ ночь на 29 октября на набережной Волги подломали и ограбили 8 лавокъ. По городу ночью ходятъ толпы людей, ко-

торые на окликъ полицейскихъ патрулей: кто идетъ? — нагло отвѣчаютъ: воры!..“ И т. д...

Воровство, кражи, грабежи совершались, конечно, и раньше, но разница прежняго времени съ настоящимъ заключается въ томъ, что теперь они стали поразительно часты и отличаются „особенною дерзостью...“ Чрезвычайно интересно и знаменательно въ этомъ отношеніи только что приведенное нами извѣстіе изъ Самары... Изъ него мы видимъ что голь и теперь уже осмѣлѣла настолько, что разгуливаетъ толпами и „нагло рекомендуется охранителямъ общественнаго спокойствія „ворами“. Фактъ знаменательный... Встрѣчаясь съ нимъ, невольно думаешь, что при настоящихъ условіяхъ современнымъ ворамъ очень не много нужно для того, чтобы обратиться въ тѣхъ историческихъ „воровъ“, которые во второй половинѣ прошлаго столѣтія едва не опрокинули всего зданія Россійской Имперіи... Если „воровскія толпы“ появились въ Самарѣ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ очень скоромъ времени онѣ появятся и въ другихъ, мѣстахъ причемъ будутъ дѣлаться все грознѣе и многочисленнѣе, такъ какъ нужда, толкающая голодный людъ на путь „воровства“, должна идти все crescendo: не надо забывать того, что теперешняя голодовка не дошла еще до своего апогея, что теперь мы видимъ только цвѣточки, что ягодки еще впереди... Мужицкая масса и теперь уже обнаруживаетъ подозрительное безпокойство духа... Въ Нижнемъ, напр., „среди рабочаго люда слышится ропотъ на „маклаковъ“ и „скупщиковъ“, набивающихъ свой карманъ на счетъ бѣднаго рабочаго“... Въ Ярославлѣ, напр., „простолюдинъ не хочетъ вѣрить, чтобы одинъ градъ, саранча, жукъ, засухи могли удвоить цѣны; онъ старается отыскать причины въ стачкахъ торговцевъ, въ жела-

ніи ихъ во чтобы то ни стало „придавить мужика“. Въ кучкахъ рабочаго люда наблюдатель легко подмѣтитъ желаніе доискаться причины „дорогого хлѣба. Раздраженіе растетъ“... Симптомы очень тревожные... Розыскиваніе „причинъ“, о которомъ говоритъ ярославскій корреспондентъ, можетъ завести мужика очень далеко, особенно тогда, когда оно производится при все болѣе и болѣе усиливающемся отощаніи желудка и наростаніи раздраженія... При такихъ условіяхъ, примѣръ самарскихъ „воровъ“, образующихъ толпы, и петербургскихъ рабочихъ, разбивающихъ мелочныя лавочки легко можетъ оказаться очень заразительнымъ...

Къ чему же все это можетъ повести, чѣмъ кончится? Очевидно, что если условія жизни всего русскаго народа существенно не улучшатся въ самомъ скоромъ времени, — а улучшенія этого, тѣмъ болѣе быстраго, произойти, какъ мы знаемъ, не можетъ, — то всѣ указанныя нами сейчасъ симптомы броженія и неурядицы, всегда предшествующіе крупнымъ общественнымъ переворотамъ, — будутъ все болѣе и болѣе усиливаться и обостряться... Съ каждымъ днемъ нужда будетъ выталкивать на путь нелегальныхъ дѣйствій все новыя и новыя массы людей, которые въ силу общности чувствъ, цѣлей, стремленій, будутъ все болѣе и болѣе объединяться между собою и бороться съ властью и закономъ не въ одиночку, а сообща, соединенными силами... Веровскія толпы и грабительскія шайки станутъ явленіемъ заурядным; грабежи и всяческія насилія будутъ совершаться не подъ покровомъ ночи, а среди бѣлаго дня, на виду у всѣхъ... Случаи народной расправы надъ всевозможными „маклаками“, „кулаками“ и міроѣдами всѣхъ сортовъ и мастей станутъ дѣлаться все болѣе частыми; личная безопасность для все-

го чиновнаго, эксплуататорскаго и имущаго люда исчезнетъ; всякой частной собственности будетъ угрожать серьезная опасность... Голодный мужикъ все основательнѣе и основательнѣе начинаетъ забывать то, что прежде заставляло его мириться со своимъ положеніемъ; авторитетъ власти будетъ падать; волны соціальной безурядицы станутъ все сильнѣе и сильнѣе заливать страну; дѣйствіе обыкновенныхъ законовъ будетъ пріостановлено; страна будетъ объявлена на военномъ положеніи, въ градахъ и весяхъ воздвигнутся висѣлицы; по всему лицу земли русской будутъ разгуливать военныя команды... Затѣмъ... затѣмъ дѣла могутъ принять двоякій оборотъ. При всеобщемъ возбужденіи и раздраженіи народномъ можетъ оказаться достаточнымъ одной искры, одного какого нибудь удачнаго столкновенія съ властью или какого нибудь другого проявленія силъ народа для того, чтобы броженіе обобщилось и чтобы пожаръ охватилъ всю русскую землю... Въ такомъ случаѣ вспыхнетъ всеобщее народное возстаніе, народная революція, которая можетъ перевернуть вверхъ дномъ весь существующій порядокъ. Это, конечно, возможно и вѣроятно; но еще возможнѣе и вѣроятнѣе другой исходъ, о которомъ я теперь и скажу нѣсколько словъ....

Въ обобщеніи движенія лежитъ весь залогъ его успѣха. Но при отсутствіи какой бы то ни было организаціи въ народѣ, при крайней разобщенности, существующей между различными областями имперіи, при чрезвычайной разрозненности жителей даже въ предѣлахъ такихъ мелкихъ административныхъ единицъ, каковы: уѣздъ, волость, движеніе можетъ не обобщиться и выразится только въ цѣломъ рядѣ частныхъ, *мѣстныхъ* бунтовъ или возстаній, не имѣющихъ никакого отношенія

одно къ другому и тѣсно ограниченныхъ въ отдѣльныхъ районахъ. Правительство, располагающее многочисленнымъ, хорошо дисциплинированнымъ и отлично вооруженнымъ войскомъ, легко будетъ справляться съ нестройными, изолированными мужицкими толпами, безъ труда будетъ одолѣвать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сопротивленіе народа и давить этотъ послѣдній жестокими репрессаліями... Но такъ какъ военная сила не разрѣшитъ и не уменьшитъ тѣхъ „экономическихъ затрудненій", которыя будутъ толкать доведеннаго до отчаянія мужика на путь протеста и открытой борьбы, то подавленное въ одномъ мѣстѣ волненіе вспыхнетъ съ новою силою въ другомъ, въ третьемъ... Новыя усмиренія, повыя репрессіи, а затѣмъ опять новыя волненія и т. д. Такъ дѣло можетъ тянуться сравнительно очень долго, — годъ, можетъ быть, даже два, пока наконецъ развязка не наступитъ сама собою... Ограбленный до нитки, въ конецъ истощенный голодомъ и другими бѣдствіями, окончательно убитый усмиреніями и репрессіями, народъ сократитъ до громадныхъ размѣровъ всякіе платежи и въ одинъ прекрасный день совсѣмъ перестанетъ платить, причемъ потеряютъ свою чудодѣйственную силу какія угодно „мѣры" и „понужденія"... Но еще задолго до этого „прекраснаго дня" дастъ себя почувствовать небывалое до того оскудѣніе казны, и правительство станетъ лицомъ къ лицу съ государственнымъ банкротствомъ, которое и сдѣлается жгучею злобою дня... Волей-неволей власть должна будетъ заняться вопросомъ самосохраненія и во что-бы то ни стало изыскать денежныя средства для поддержки государственной машины... Но гдѣ взять эти средства?... Дома — полное оскудѣніе, заграницей — не менѣе полное недовѣріе и недостатокъ кредита,—вѣдь и

теперь ужъ иностранные банкиры отказываютъ намъ въ ссудахъ, а если время отъ времени и находится между ними смѣльчакъ, готовый рискнуть нѣсколькими десятками милліоновъ, то за свой рискъ деретъ съ насъ жидовскіе проценты и обставляетъ ссуду чрезвычайно тяжелыми условіями; а начнись у насъ серьезное народное броженіе, такъ русское правительство ни за какіе проценты не достанетъ нигдѣ и полтинника... А деньги между тѣмъ нужны будутъ до зарѣзу... Какъ быть?... Правительству не останется дѣлать ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ средству, съ полнымъ успѣхомъ прилагавшемуся въ подобныхъ же обстоятельствахъ другими правительствами, а именно созвать народныхъ представителей, подѣлиться съ ними не столько властью, сколько отвѣтственностію, взвалить на ихъ плечи всю тяжесть положенія и заставить ихъ расхлебывать заваренную кашу, какъ знаютъ и умѣютъ... 19-го февраля 82 или 83 года на русскомъ горизонтѣ взойдетъ тусклое свѣтило, Конституція, и своими блѣдными, холодными лучами озаритъ русскую землю... При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ и колокольномъ звонѣ будетъ объявлено обывателямъ Россійской Имперіи о наступленіи „новой эры“ — и радость велія наполнитъ благодарныя сердца вѣрноподданныхъ... Ликованію „общества“ не будетъ конца... Всѣ либералы, еще вчера расхаживавшіе съ печатью недовольства на челѣ и отважно показывавшіе правительству кукишъ изъ кармана, будутъ сіять самодовольствомъ, потеряютъ на нѣкоторое время способность членораздѣльной рѣчи и будутъ донимать всякаго встрѣчнаго объятіями и поцѣлуями... Печать заговоритъ восклицательными знаками... Поэты настроятъ свои лиры на С—бемоль и затянутъ хвалебную пѣснь „сугубому освободи-

телю“... Террористы, выполнившіе свою миссію, т. е., попортившіе достаточное количество желѣзнодорожныхъ насыпей, выглянутъ на свѣтъ божій и, отложивъ въ сторону за ненадобностью револьверы, кинжалы и неистраченный запасъ динамита, начнутъ во всеуслышаніе склонять по всѣмъ падежамъ „политическую свободу“... Катковъ выругается непечатными словами, оттиснетъ въ своей типографіи „возмутительную“ прокламацію и затѣмъ, тайкомъ, „на жидѣ“, переправится черезъ границу... Разуваевъ, оторванный небывалымъ дотолѣ шумомъ и гамомъ отъ своихъ „дѣловъ“, начнетъ соображать, чѣмъ пахнетъ „новая эра“, и, быстро смекнувъ, что Конституція есть ничто иное, какъ дѣвица легкаго поведенія, пріятно осклабится и тихо зальется жирнымъ, утробнымъ смѣхомъ... Однимъ словомъ, всѣ будутъ чувствовать себя хорошо, легко,—многіе даже испустятъ благодарную слезу отъ избытка радостныхъ чувствъ... Ну, а мужикъ, народъ? Съ церковнаго амвона, послѣ благодарственнаго молебствія, и до него донесется вѣсть о „великой реформѣ“, долженствующей положить основаніе благоденственному и мирному житію... Задавленный, обезземеленный, потерявшій всякую энергію и вѣру въ себя, лишившійся во время неудачныхъ попытокъ самоосвобожденія своихъ лучшихъ представителей, мужикъ встрепенется при этой вѣсти; въ торжественныхъ словахъ широковѣщательнаго царскаго манифеста мелькнетъ и для него лучъ надежды; онъ ухватится за „великую реформу“, какъ утопающій хватается за соломенку, и довѣрчиво будетъ ждать лучшаго будущаго, какъ онъ ждалъ его, творя молитву и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и въ 1861 году, когда услышалъ про „волю“... Смысла новой реформы онъ не пойметъ; но это-то самое обстоятельство

именно и поможетъ ему наполнить слово, которымъ будетъ обозначена реформа, желательнымъ для него содержаніемъ... Если въ мистическомъ бредѣ какой нибудь пророчицы Акулины онъ сплошь и рядомъ усматриваетъ прямыя указанія на то, что „подати шабашъ!“, — если какой нибудь клочекъ бумаги, какое нибудь, случайно брошенное „прохожимъ человѣкомъ“, слово способны вселить въ него глубокое убѣжденіе, что землю, молъ, приказано отобрать отъ пановъ и передать мужикамъ, что „землица теперь наша, — небось, не отымешь“ и т. д., то понятно, что такія громкія слова, какъ „выборные представители земли русской“, „Земскій Соборъ“ и т. д., которыми будетъ пестрѣть манифестъ о конституціи, такія громкія слова, говорю я, въ связи съ лицемѣрными заявленіями о „неустанныхъ заботахъ о благѣ вѣрноподданныхъ“, въ связи съ обѣщаніями разныхъ льготъ и вольностей, въ связи съ тысячекратнымъ упоминаніемъ имени божія, и т. д., — непремѣнно возбудятъ въ народѣ несбыточныя надежды и подадутъ поводъ къ такимъ же продолжительнымъ недоразумѣніямъ, какъ и недоразумѣніе, вызванное манифестомъ 19-го февраля. Разочарованія въ предъидущихъ реформахъ, которыми наполнено царствованіе „царя-освободителя“, будутъ забыты, — вѣдь историческій опытъ всегда пропадаетъ для народовъ совершенно даромъ, — и народъ будетъ ждать отъ конституціи исполненія своихъ завѣтнѣйшихъ желаній, ждать съ вѣрою и отличающимъ его долготерпѣніемъ... И нечего будетъ удивляться легковѣрію народному: вѣдь такъ легко вѣрится, когда хочется вѣрить, когда въ одной только вѣрѣ и можно найти утѣшеніе!...

И такъ, конституція возбудитъ въ народѣ надежды на лучшее будущее и на время успокоитъ его.

Этому успокоенію, помимо надеждъ и ожиданій, будутъ способствовать еще и другія, побочныя обстоятельства... Несомнѣнно, что „медовый мѣсяцъ“ грядущаго парламентаризма ознаменуется разными всемилостивѣйшими прощеніями и подачками: „забвеніемъ“ всѣхъ прегрѣшеній, совершенныхъ до дня наступленія „новой эры“, сложеніемъ недоимокъ, различными пособіями народу, и. т. д. и т. д. Съ измѣненіемъ режима поднимется немного и кредитъ нашъ за границей, явится возможность попризанять тамъ малую толику деньженокъ и ссудою помочь народу хоть обсѣменить поля и и прожить до новаго хлѣба, который, авось, будетъ пощаженъ расходившеюся рукою господнею. Настанетъ относительное затишье... А тѣмъ временемъ въ Москвѣ Бѣлокаменной соберется изъ „лучшихъ“ русскихъ людей Земскій Соборъ, зашумятъ витіи, польются рѣчи о благоустроеніи земли русской...

Личный составъ будущей всероссійской „говорильни“ мы можемъ опредѣлить и теперь довольно точно: для этого стоитъ только раздвинуть нѣсколько рамки теперешнихъ нашихъ земскихъ и думскихъ собраній и на нѣсколько градусовъ поднять общественное положеніе каждаго изъ теперешнихъ нашихъ гласныхъ... Очевидно, что какая бы система парламентскихъ выборовъ ни была введена, въ „выборные представители земли“ могутъ попасть только лыди тѣхъ категорій, изъ которыхъ выходятъ и теперешніе общественные дѣятели. Если мы видимъ, что выразителями земскихъ и городскихъ нуждъ являются теперь въ громадномъ большинствѣ случаевъ представители землевладѣнія, капитала и кулачества, то нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ ближайшемъ будущемъ дѣла примутъ иной оборотъ, что господа

настоящаго положенія не останутся такими же господами и въ будущемъ... Единственнымъ качественнымъ отличіемъ „Земскаго Собора“ отъ любого теперешняго земскаго собранія будетъ развѣ только то, что въ первый, кромѣ поименованныхъ сейчасъ „представителей“, войдутъ, въ качествѣ депутатовъ по назначенію, еще и представители гражданской, духовной и военной власти, и что настоящій „сѣрый“ мужикъ, при многократномъ фильтрованіи кандидатовъ черезъ выборные механизмы, будетъ изгнанъ изъ „благородной“ компаніи въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь... Вмѣсто этого „сѣраго“ мужика въ парламентѣ будутъ засѣдать,— и притомъ въ громадномъ числѣ, —крупнѣйшіе изъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ или же, за неграмотностью послѣднихъ и неспособностію ихъ даже „руку приложить“, ихъ „молодцы“, которыхъ они находятъ и теперь во всѣхъ классахъ общества и которые за „красненькую“ будутъ распинаться за нихъ и въ Палатѣ...

Колупаевы и Разуваевы составляютъ теперь крупнѣйшую общественную силу; такую же силу и даже большую они будутъ представлять собою и при конституціи... Если по ихъ дудкѣ, изъ за „красненькой“, и теперь пляшутъ и столбовое дворянство, и жрецы науки, и сановные, власть имущіе люди, то съ наступленіемъ „новой эры“, когда „ихъ степенства“ будутъ припущены къ власти, пляска эта превратится въ отчаянный канканъ... Загляните теперь въ „городъ“ — и вы увидите, что тамъ орудуетъ Разуваевъ; приемотритесь къ тому, что творится въ „деревнѣ“,— и вы принуждены будете констатировать фактъ господства господина Колупаева. Этихъ „героевъ настоящаго времени развелось у насъ видимо-невидимо и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они и ихъ при-

спѣшники и „молодцы“ при конституціи заполонятъ всю русскую землю, что они составятъ въ Земскомъ Соборѣ громадное, подавляющее большинство...

Мужика, какъ уже сказано, въ парламентѣ не будетъ; почти совсѣмъ не будетъ тамъ и людей, отстаивающихъ его интересы... Откуда возьмутся они, если и теперь ихъ надо искать чуть не днемъ съ огнемъ... Да къ тому же, наличные народолюбцы, — по большей части все изъ пишущей братіи, — народъ съ позволенія сказать, голопятанный; его „съ суконнымъ то рыломъ, да въ калашный рядъ“ и не пустятъ; а если кто изъ нихъ и проскользнетъ какими нибудь судьбами въ Палату, то несомнѣнно, что будетъ всегда оставаться въ позорномъ меньшинствѣ, будетъ загнанъ въ „раекъ“...

Въ виду того, что нашъ Земскій Соборъ будетъ проникнутъ „разуваевскимъ“ духомъ, излишне и распространяться о томъ, какъ онъ отнесется къ нуждамъ деревни, къ насущнымъ интересамъ мужика... *Земскій Соборъ окончательно обездолитъ русскій народъ*; — въ этомъ будетъ состоять вся его „культурная“ миссія... Казалось бы, что при настоящемъ „отчаянномъ“, „безвыходномъ“ и т. д. положеніи мужика странно и говорить о дальнѣйшемъ обездоленіи его; казалось бы, что въ то время, когда в конецъ раззоренный, ободранный и забитый народъ ѣстъ вмѣсто хлѣба, всевозможную мерзость, пухнетъ отъ голода, вымираетъ, какъ мухи въ осеннюю пору, невозможно и представить себѣ дальнѣйшаго ухудшенія его положенія... Однако же вполнѣ возможно и дальнѣйшее ухудшеніе, и еще болѣе радикальное обездоленіе... Мужику теперь живется плохо до невозможности; но выведите его на свѣжій воздухъ, дайте ему нѣс-

колько времени подышать полной грудью,—и онъ тотчасъ же воскреснетъ и встанетъ передъ вами съ обновленными нравственными и физическими силами... И все это совершится благодаря тому, что онъ человѣкъ „мірской", что онъ состоитъ членомъ общины... Но порвите его связи съ „міромъ", отнимите у него общину,— и вы осудите его на разбродъ, на прозябаніе въ одиночку и съ головой выдадите рыцарямъ „культуры", господамъ Разуваевымъ, которые ужъ съумѣютъ его обработать... Конечно, народъ и при такихъ условіяхъ не погибнетъ и въ концѣ концовъ, несмотря ни на что, все таки воспрянетъ къ лучшей жизни; но возможность этой лучшей жизни будетъ куплена имъ цѣною страшныхъ бѣдствій въ длинномъ ряду поколѣній, цѣною обязательнаго прохожденія по всѣмъ мытарствамъ „цивилизаціи"... Но Разуваевымъ до этого, конечно, не будетъ никакого дѣла и они постараются какъ можно скорѣе покончить съ общиной, которая у нихъ торчитъ теперь бѣльмомъ на глазу, такъ какъ мѣшаетъ слопать мужика сразу, за одинъ присѣстъ... На общинниковъ посыплются всевозможныя ограниченія, стѣсненія, урѣзыванія юридическихъ правъ; выходцамъ изъ общиннаго міра будутъ дѣлаться всевозможныя льготы и поощренія; бокъ о бокъ съ этимъ міромъ закипитъ, при могущественной государственной помощи, культурно-промышленная дѣятельность; народъ, по прежнему обремененный непосильнымъ гнетомъ всякихъ прямыхъ и косвенныхъ поборовъ, въ ожиданіи лучшаго будетъ бросать деревню уходить изъ „міра" и искать „гдѣ лучше?" Это „лучше" онъ будетъ находить на фабрикѣ Колупаева, на заводѣ Разуваева, на нивѣ Подъугольникова, на фермѣ Дерунова и т. д... „Міръ" будетъ бѣднѣть людьми и средствами, община, поставленная въ невоз-

можность укрыть и защитить отъ житейскихъ невзгодъ дѣтей своихъ, потеряетъ въ глазахъ этихъ послѣднихъ всякую привлекательность, будетъ чахнуть и разваливаться,— и не успѣютъ еще у народа разсѣяться надежды на новую рформу, какъ отъ общиннаго строя останется только одно воспоминаніе... Можетъ случиться и такъ, что съ общиной найдутъ возможнымъ и удобнымъ покончить однимъ ударомъ, издавъ какой нибудь декретъ, сметающій ее съ лица русской земли, какъ ненужную веттошь... Разуваевы не остановятся и передъ такою мѣрою, — народъ они рѣшительный и предпріимчивый... Но такъ или иначе дѣло будетъ сдѣлано, и для Россіи дѣйствительно начнется „новая эра“....

Для удовлетворенія немалаго числа либераловъ, которые будутъ дружелюбно засѣдать въ Земскомъ Соборѣ вмѣстѣ съ Разуваевыми и даже прямо въ рядахъ этихъ послѣднихъ, Конституція дастъ русскому обществу и кое—какія свободы: свободу слова, печати совѣсти и т. д., со включеніемъ сюда, конечно, и свободы умирать съ голоду... Въ какихъ границахъ дарованы будутъ всѣ эти свободы, теперь опредѣлить съ точностію, конечно, невозможно; все это въ значительной степени будетъ зависить отъ обстоятельствъ времени. Нѣсомнѣнно только одно, что послѣдней изъ перечисленныхъ нами свободъ данъ будетъ неограниченный просторъ, остальнымъ же будетъ указанъ извѣстный предѣлъ...

Какъ ни какъ, а все таки это будетъ „свобода“, а не голый „уставъ о пресѣченіи“,—на первый разъ наши либералы удовлетворятся и общипанной, урѣзанной свободой... Но если бы вмѣстѣ съ „новой эрой“, на русской землѣ могла водвориться и та, немыслимая при экономическомъ рабствѣ народа,

„настоящая политическая свобода“, которую нѣкоторые... черезъ чуръ смѣлые умы думаютъ заработать при помощи кинжала, револьвера и динамита, то и она, не говоря уже о той, которая имѣетъ выдти въ Россіи въ сокращенномъ и исправленномъ цензурою изданіи, явилась бы плачевно-ничтожнымъ вознагражденіемъ за то великое зло, которое будетъ нанесено народу парламентарнымъ режимомъ. Если ожидаемая политическая свобода можетъ явиться на сцену русской исторіи только подъ ручку съ господиномъ Колупаевымъ, который, пользуясь полученною властью, уничтожитъ общину и затѣмъ слопаетъ мужика (а иного способа появленія ея при настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ и быть),—то пусть она, эта пресловутая свобода, погибнетъ въ самомъ зародышѣ, ибо она будетъ вреднѣе для народа, чѣмъ цѣлая дюжина Александровъ Николаевичей...

Но и народная революція, на которую я указывалъ выше, какъ на одинъ изъ возможныхъ въ настоящее время исходовъ, *можетъ* вывести на сцену опять таки того же Разуваева съ К°. Хорошо, если возставшій и побѣдившій народъ, стряхнувъ со своихъ плечъ тяжкое бремя существующаго порядка, крѣпко ухватится за свой исконный мірской идеалъ: *„Земля и Воля“* и, не поддаваясь никакимъ посторонниимъ вліяніямъ, будетъ неуклонно идти по пути самоосвобожденія... Тогда замирающій теперь общинный духъ пробудится къ новой жизни, и община, освобожденная отъ внѣшняго гнета, давившаго ее и мѣшавшаго ея развитію, будетъ совершенствоваться, формы ея наполнятся новымъ, широкимъ содержаніемъ и, обновленная, она распустится роскошнымъ цвѣтомъ, который дастъ богатый плодъ... Но если нѣтъ?... Если темный невѣжественный, разрозненный и въ тоже время

крайне довѣрчивый народъ, не зная прямого пути въ землю обѣтованную. поставитъ во главѣ движенія своихъ „лучшихъ“ людей, которые и поведутъ его, пользуясь его темнотою, къ своимъ собственнымъ цѣлямъ?.... Тогда что?... Само собою разумѣется, что тогда эти же самые „лучшіе люди“ и возьмутъ въ свои руки ликвидацію дѣлъ стараго рухнувшаго общества и организацію новыхъ формъ общежитія... Охулки на руку какъ мы это отлично знаемъ, они не положатъ,— и мужикъ въ концѣ концовъ будетъ спущенъ по наклонной плоскости...

Утихнетъ буря, улягутся волны расходившагося моря народнаго,— и изъ-за развалинъ неограниченной, деспотической монархіи опять таки покажется холодный ликъ Конституціи, а вмѣстѣ съ нимъ и нагло-самодовольная, съ хитрыми, бѣгающими глазками, рожа Колупаева...

Трудное время переживаетъ теперь Россія, русскій народъ. Въ жизни этого послѣдняго съ часу на часъ нужно ожидать крупнаго перелома, который наступитъ непзбѣжно и послѣ котораго историческое теченіе неминуемо измѣнитъ свое русло. Въ какомъ направленіи совершится это измѣненіе, рѣшить окончательно трудно. Можетъ быть, придетъ Разуваевъ съ братіей; можетъ быть, историческою сценою завладѣетъ и Народъ... Пока можно сказать только то, что для послѣдняго хода въ завязавшейся роковой игрѣ Разуваевъ располагаетъ тузами, въ рукахъ же народа имѣются однѣ двойки... Но не нужно при этомъ упускать изъ виду и того, что при извѣстныхъ условіяхъ народная двойка можетъ стать козырною и прихлопнуть разуваевскаго туза...

Итакъ, настоящій моментъ является въ высшей степени опаснымъ и критическимъ для народа; не

менѣе опаснымъ и критическимъ оказывается онъ и для нашей молодой интеллигенціи, неразрывно связавшей свои судьбы съ судьбами народными... Если народъ проиграетъ игру и надъ русскою землею разверпется знамя „колупаевской“ Конституціи, то тѣмъ самымъ будетъ нанесенъ тяжелый ударъ и соціалистической партіи... Рухнетъ общинный строй, настанетъ царство индивидуализма,—и почва подъ ногами нашихъ соціалистовъ сильно поколеблется. Конечно, соціалисты не потеряютъ своихъ raisons d'être и при Колупаевѣ,—такихъ raison'овъ станетъ тогда даже больше, чѣмъ теперь, — но задача ихъ сдѣлается несравненно болѣе трудною, а конечная цѣль ихъ пропаганды, въ сравненіи съ настоящимъ временемъ, отодвинется отъ нихъ на милліоны верстъ. Теперь соціалистическая пропаганда можетъ пріурочиваться къ общинѣ, какъ всѣмъ знакомому, конкретному факту живой дѣйствительности, который можетъ служить наглядпымъ доказательствомъ практической осуществимости идеаловъ коллективизма; съ исчезновеніемъ же общины, въ которой только и осуществляются теперь эти идеалы,—хотя и въ слабой степени, и далеко не въ совершенномъ видѣ,—пропаганда станетъ вполнѣ теоретическою, а слѣдовательно, и менѣе понятною и убѣдительною: вѣдь человѣкъ всегда легче осваивается съ какою бы то ни было идеею, если эта идея хотя до нѣкоторой степени реализировалась въ жизни, сдѣлала хотя первый шагъ по пути практическаго осуществленія,—а такимъ первымъ шагомъ именно и является существующая у насъ община... Съ другой стороны, первымъ дѣломъ, первою задачею соціалиста-революціонера, какъ и и всякаго другого революціонера, всегда и вездѣ было и будетъ сплоченіе массы, связываніе раз-

розненныхъ силъ въ одно цѣлое. Въ настоящее время въ народной средѣ имѣются довольно крѣпкія „мірскія“, общинныя связи, имѣются готовыя сельскія союзы или организаціи; съ исчезновеніемъ-же общины эти связи и союзы придется создавать вновь, придется заново объединять людей и притомъ не на почвѣ кровныхъ интересовъ и насущнѣйшихъ нуждъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ общинѣ, а на почвѣ отвлеченныхъ идей, что представляется дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Не нужно забывать также и того, что все это придется совершать на глазахъ господина Колупаева, который въ дѣлѣ „пресѣченій“ въ состояніи будетъ посоперничать съ самыми усерднѣйшими изъ нынѣшнихъ охранителей... Да, труденъ, тернистъ и неблагодаренъ будетъ путь соціалиста, когда настанетъ „новая эра“...

Наша соціалистическая, народническая партія должна употребить всѣ усилія для того, чтобы отвратить эру „колупаевщины“, чтобы обезпечить побѣду возможному теперь народному движенію... Но для того, чтобы съ успѣхомъ выполнить эту задачу, она не должна терять ни минуты, — время не терпитъ, событія не ждутъ, — не должна упускать теперешняго, крайне благопріятнаго для революціонной дѣятельности, момента, должна немедленно спуститься въ народную, рабочую среду и принять непосредственное участіе во всѣхъ перипетіяхъ и эпизодахъ завязывающейся драмы... Разбиваетъ ли народъ магазины и склады, чтобы раздобыть себѣ хлѣбушка, совершаетъ ли расправу надъ своими эксплуататорами и угнетателями, оказываетъ ли вооруженное сопротивленіе власти, — соціалистъ-народникъ долженъ быть непремѣнно съ народомъ, долженъ становиться въ первыхъ рядахъ его, толкать его на путь болѣе смѣлой,

открытой и широкой борьбы, въ случаѣ нужды долженъ брать на себя инициативу протеста, долженъ стремиться къ обобщенію частныхъ, мѣстныхъ движеній и сліянію ихъ въ одинъ широкій революціонный потокъ... Лучшаго, удобнѣйшаго момента для дѣйствія, чѣмъ настоящій, нельзя себѣ и представить... То, чего не могли сдѣлать всѣ усилія пропагандистовъ 70-хъ годовъ, то теперь сдѣлали голодъ и другія бѣдствія: повсюду ропотъ, раздраженіе, отчаяніе, толкающее народъ на путь активнаго протеста... Почва такимъ образомъ оказывается вполнѣ подготовленною, горючаго матеріала масса,—нужно только бросить искру, чтобы русская земля была охвачена пожаромъ, чтобы мѣстные бунты, возстанія и протесты слились въ одно грозное народное возстаніе... Соціалистъ долженъ идти въ народъ не съ цѣлями пропаганды отвлеченныхъ идей и принциповъ,—теперь народу не до пропаганды! — а съ цѣлями революціонной агитаціи, которая должна вестись не во имя широкихъ соціалистическихъ идеаловъ будущаго, а во имя насущнѣйшихъ нуждъ и назрѣвшихъ требованій настоящей минуты. У народа нѣтъ хлѣба, нѣтъ земли, нѣтъ возможности свободно располагать собою и своими силами, — и онъ мучительно сознаетъ, что безъ всего этого жить нельзя, что все это нужно добыть безотлагательно. Будутъ удовлетворены эти первыя жизненныя нужды,—и все остальное придетъ потомъ само собою, если при этомъ народъ съумѣетъ круто расправиться со своими многочисленными угнетателями и эксплуататорами. Пусть же соціалистъ обобщитъ эти нужды въ какой нибудь краткой формулѣ, которая могла бы служить лозунгомъ движенія для возбужденнаго народа, пусть, напр., онъ напишетъ на одной сторонѣ своего знамени: „*хлѣба!*“, а на

другой: „*Земли и Воли*“!“,—и эти три магическія слова электрическою искрою пробѣгутъ по массамъ, — и при благопріятныхъ обстоятельствахъ народъ не замедлитъ тѣсно сомкнуться вокругъ этого знамени. Но для того, чтобы онъ поднялъ свою, склоненную къ землѣ, голову, увидѣлъ это, развѣвающееся въ воздухѣ, знамя и пошелъ за нимъ, необходимо, чтобы онъ воспрянулъ духомъ, *осмѣлѣлъ*. Народническая партія должна поэтому взять на себя и эту задачу, задачу поднятія народнаго духа.

Она теперь же должна выставить пикеты въ народѣ, развернуть цѣпь застрѣльщиковъ и начать партизанскую войну съ врагами народными. Пусть она немедленно же организуетъ, при содѣйствіи наиболѣе энергическихъ и рѣшительныхъ представителей деревни, систематическую расправу съ этими врагами, пусть враги эти одинъ за другимъ падаютъ отъ руки таинственныхъ исполнителей *народныхъ* приговоровъ и притомъ падаютъ *на глазахъ у народа, въ его родной средѣ*, а не тамъ, гдѣ то вдали, во дворцахъ, на столичныхъ бульварахъ, за тридевять земель отъ народа,— и тогда, съ каждымъ ударомъ кинжала, съ каждой, дошедшей по назначенію, пулей, кровь у народа будетъ быстрѣе обращаться въ жилахъ, пульсъ биться полнѣе, взглядъ дѣлаться самоувѣреннѣе, рѣшительнѣе... На ряду съ этимъ должна съ лихорадочною дѣятельностью вестись, въ виду близкой борьбы, и боевая организація силъ народныхъ... Такъ какъ силы самой революціонной партіи въ настоящее время еще крайнѣ незначительны въ сравненіи съ тѣмъ необъятнымъ, пространствомъ на которомъ онѣ могли бы быть приложены,— то прямой разсчетъ долженъ заставить партію не разбрасывать ихъ, а сосредоточивать въ одномъ

какомъ нибудь опредѣленномъ районѣ, который и долженъ стать исходнымъ пунктомъ будущаго народнаго движенія...

Если бы организація успѣла охватить одинъ, два, три уѣзда какой нибудь изъ внутреннихъ губерній если бы мужицкое населеніе этихъ уѣздовъ поголовно возстало противъ существующаго порядка и энергически принялось за дѣло разрушенія, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что это всколыхнуло бы все наше темное царство и господа Колупаевы въ ужасѣ разбѣжались бы изъ своего Земскаго Собора, если бы онъ къ этому времени успѣлъ собраться... Но только надо спѣшить, а не то наступитъ „новая эра", и обстоятельства измѣнятся къ худшему для народа и для революціонной партіи....

Невелика наша соціалистическая, народническая партія, небольшими располагаетъ силами и средствами, но, несмотря на все это, она много можетъ сдѣлать въ народѣ для народа въ настоящій критическій, переходный моментъ.

Когда мука замѣшана и тѣсто приготовлено, то вѣдь достаточно небольшой щепотки дрожжей для того, чтобы опара поднялась и ушла черезъ край. Вотъ эту то роль дрожжей и могутъ разыграть соціалисты въ той громадной опарѣ, которую замѣсилъ теперешній хозяинъ русской земли—голодъ. Но если бы даже и заранѣе можно было предсказать, что народное движеніе, организованное соціалистами, будетъ раздавлено, то и въ такомъ случаѣ за организацію его необходимо было бы принятыя безотлагательно... Пусть бьютъ, пусть давятъ!... Вѣдь въ общей сложности народъ и при подавленіи возстанія принесетъ не больше жертвъ, чѣмъ онъ приноситъ ихъ теперь, страдая отъ невыносимаго экономическаго и политическаго гне-

та и вымирая отъ голода и болѣзней... Это съ одной стороны,— а съ другой, *крупное, хорошо организованное съ опредѣленною программою и категорически поставленною цѣлью, возстаніе* не можетъ не повліять выгодно на дальнѣйшія судьбы нашей родины... Его лозунгъ разнесется по всей русской землѣ и произведетъ глубокое впечатлѣніе на народный умъ. Своею формулою оно объединитъ весь русскій народъ, а своею организаціею покажетъ этому народу, какъ нужно идти къ одной общей цѣли. Оно пробьетъ торную дорогу для послѣдующихъ движеній и, въ смыслѣ пропаганды революціонной идеи, сдѣлаетъ неизмѣримо больше, чѣмъ цѣлые годы настойчивыхъ усилій со стороны пропагандистовъ изъ интеллигенціи. Что же касается до самихъ соціалистовъ-революціонеровъ, то при неудачѣ движенія погибнутъ и они, и даже погибнутъ, по всей вѣроятности, первыми; но и эта гибель вмѣстѣ съ народомъ и на глазахъ у этого народа (ихъ будетъ вздергивать на висѣлицы не въ столицахъ, не въ тѣни крѣпостныхъ стѣнъ, а въ деревнѣ, на страхъ этой деревнѣ) можетъ оказать громадную услугу дѣлу партіи, а слѣдовательно, и дѣлу соціальной революціи: они кровью запечатлѣютъ связь партіи съ народомъ, и этотъ послѣдній перестанетъ видѣть въ членахъ партіи чуждыхъ ему проходимцевъ, а будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ лучшихъ друзей...